

АМЕЛИ ВЭНЬ ЧЖАО

КРОВАВАЯ НАСЛЕДНИЦА

— ❧ — ИСЧЕЗНУВАША. БЕЗРАССУДНАЯ. МЕРТВАЯ ❧ —

Young Adult. Магия крови

Амели Вэнь Чжао

Кровавая наследница

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Сое)-44

Вэнь Чжао А.

Кровавая наследница / А. Вэнь Чжао — «Эксмо»,
2019 — (Young Adult. Магия крови)

ISBN 978-5-04-111254-7

Кирилийская империя погрязла в беззаконии и взяточничестве. У богатых в руках привилегии и власть, у бедных – ничего, а аффинитов, чья магическая сила способна управлять неосязаемым, принято бояться и избегать. Разрушить старые устои могут лишь двое: АНАСТАСИЯ – бывшая наследница престола Кирилии. Теперь она просто аффинитка, обладающая магическим даром управлять кровью человека. Гонимая и обвиняемая в убийстве собственного отца, она поклялась разыскать настоящего убийцу и восстановить свое честное имя. РАМСОН – гений преступности. В прошлом – правая рука самого могущественного криминального лорда Кирилии. Теперь – человек без будущего, гниющий в тюрьме. Он жаждет отомстить обидчику и вернуть себе былую власть. Они стали союзниками: Рамсон обещает помочь Анастасии найти виновника всех ее несчастий, если та согласится применить свою силу для уничтожения его врагов. Но мир меняется, и теперь каждому из них предстоит сделать свой судьбоносный выбор...

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-111254-7

© Вэнь Чжао А., 2019

© Эксмо, 2019

Содержание

1	6
2	13
3	22
4	29
5	34
6	40
7	45
8	47
9	53
10	58
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Амели Вэнь Чжао

Кровавая наследница

BLOOD HEIR
Amélie Wen Zhao

© Шаповал И., перевод на русский язык, 2020

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

* * *

*Посвящается ## и ##, которые научили меня смотреть на мир
открыто, с добротой и энтузиазмом*

1

Тюрьма явственно напоминала подземелья из детства Анастасии: мрачная и сырая, она была сооружена из несокрушимых глыб, покрытых налетом грязи и страданий. Здесь тоже пролилось много крови: Анастасия чувствовала, как она сочится из выбоин в каменных ступенях, расплзается по покрытым копотью стенам и таится на задворках ее сознания, подобно вездесущей тени.

Стоило лишь захотеть, щелчок пальцев – и вся эта кровь подчинилась бы ей.

От этой мысли Ана крепче сжала одетыми в перчатки руками потрепанный мех капюшона и сконцентрировала свое внимание на ничего не подозревающем охраннике, шедшем в нескольких шагах впереди. Его сапоги из бычьей кожи издавали ритмичный тонкий скрип. И если внимательно прислушаться, можно было разобрать тихий звон *златников* в его карманах. Она дала ему взятку.

В этот раз она не ощущала себя заключенной: она была клиентом, и сладкое дребезжание монет неустанно напоминало о том, что охранник – на данный момент – был на ее стороне.

И тем не менее на стенах дрожал свет факела, и было невозможно видеть в этом месте что-то иное, а не воплощение ее ночных кошмаров, и не слышать перешептывания голосов.

Монстр. Убийца.

Когда-то папа рассказывал ей, что это место кишит демонами, что в нем находятся в заключении самые опасные злодеи. И даже теперь, спустя почти год после его смерти, у Аны пересохло во рту, когда она попыталась представить, что он сказал бы, увидев ее здесь.

Ана отогнала эти мысли и устремила взгляд вперед. Может, она монстр и убийца, но это никак не относилось к делу, ради которого она сюда пришла.

Она пришла, чтобы очистить свое имя от обвинений в государственной измене. Все зависело от того, удастся ли ей найти нужного заключенного.

– Я вам говорю, ничего вы от него не добьетесь, – грубый голос охранника вырвал ее из омота шепчущих голосов. – Слышал, что у него было задание убить какое-то высокопоставленное лицо, когда его повязали.

Он говорил о заключенном. Ее заключенном. Ана выпрямилась и выдала заранее отретированную ложь.

– Он расскажет мне, где он спрятал мои деньги.

Охранник бросил сочувствующий взгляд через плечо.

– Лучше бы вам проводить время где светло и солнечно, сударыня. Уж с дюжину, а то и больше благородных господ заплатили кому нужно, чтобы попасть в Гоуст Фолз¹ и увидеть его. И никому он ничего не выдал до сей поры. Нажил же себе могущественных врагов этот Остролов.

Конец фразы было сложно разобрать из-за затяжного мучительного вопля. В крике было столько страдания, что у Аны зашевелились волосы на затылке. Рука охранника взлетела на рукоять меча. Свет факела подсвечивал половину его лица – вторая оставалась в тени.

– Скоро камеры начнут ломиться от этих аффинитов.

Ана чуть не споткнулась: она резко втянула воздух и, заставляя себя сохранять спокойствие, медленно выдохнула. Ей нельзя было отставать от охранника.

Должно быть, на ее лице отразился страх, потому что ее спутник быстро проговорил:

– Не беспокойтесь, сударыня. Мы вооружены до зубов *божевосхом*, а *аффиниты* заперты в особых камерах из *черного камня*. Мы к ним и близко не будем подходить. Все эти деимховы надежно упрятаны под замок.

¹ Гоуст Фолз – тюрьма у водопада.

Деимхов. Демон.

У Аны засосало под ложечкой, она натянула капюшон еще ниже на лицо и сильно сжала кулаки. Об аффинитах обычно говорили, понизив голос и сначала боязливо оглянувшись по сторонам, только затем следовали истории о горстке людей, обладающих силой родства с определенными элементами. Монстрах, способных творить удивительные вещи с помощью своего дара. Вызывать огонь. Метать молнии. Оседлать ветер. Видоизменять плоть. Если верить слухам, были даже те, чьи способности выходили за пределы физического мира.

Силы, которыми не должен обладать ни один смертный. Силы, которые могли принадлежать либо богам, либо демонам.

Охранник улыбался ей. Возможно, он пытался проявить дружелюбие. А может, гадал, что такая девушка, как она, в мехах и замшевых перчатках – потертых, но явно дорогих, – делает в этой тюрьме.

Он бы не улыбался, если бы знал, что она собой представляет.

Кто она на самом деле.

Окружающий мир внезапно приобрел четкие очертания, и впервые с того момента, как она ступила на территорию тюрьмы, Ана присмотрелась к охраннику. Кирилийская императорская символика – голова рычащего белого тигра – была выгравирована на усиленном черным камнем нагруднике. Меч у бедра, наточенный так, что его острие со свистом рассекало разреженный воздух, был сделан из того же материала, что и доспехи, – сплава металла с черным камнем, непроницаемого для магии аффинитов. Наконец ее взгляд опустился на пузырек с зеленоватой жидкостью, закрепленный под пряжкой его поясного ремня. Изогнутая форма пузырька придавала ему сходство со змеиным клыком.

Божевосх, или божья вода, – единственный известный яд, который может подавлять способности аффинитов.

И вновь Ана вернулась в мир своих кошмаров. Подземелья, высеченные в холодном, темнее, чем ночь, черном камне. Бело-костяная улыбка ее опекуна, когда он вливает ей в горло пряный божевосх, чтобы изгнать демона, который с ней с самого рождения. Чудовище, даже по меркам аффинитов.

Монстр.

Под замшей перчаток ее ладони стали мокрыми от пота.

– У нас большой выбор трудовых договоров на продажу, сударыня, – голос охранника звучал будто бы издалека. – За эту сумму, что вы заплатили, чтобы увидеть Острослова, вы бы лучше наняли одного-двух аффинитов. Не тревожьтесь, они никаких серьезных преступлений не совершали. Просто иноземцы без документов. Дешевая рабочая сила.

Ее сердце замерло. Она слышала о подобных незаконных схемах. Аффинитов из других государств заманивали в Кирилию ложными обещаниями предоставить работу. Но приехав, они могли рассчитывать лишь на милость контрабандистов. До нее даже доходили слухи, что тюремные охранники и солдаты из разных уголков империи помогали торговцам аффинитами набивать карманы, пока златники лились рекой к ним в руки.

Но Ана никогда не думала, что встретит одного из них.

Она попыталась ответить спокойным голосом:

– Нет, спасибо.

Нужно было как можно скорее выбираться из этой тюрьмы.

Огромных усилий ей стоило продолжать двигаться дальше, переставляя ноги, держать спину прямо, а голову высоко поднятой, как ее учили. Всегда, когда ее окутывал туман страха, она старалась думать о брате – Лука бы не струсил, для нее он бы сделал то же самое.

А она должна была постараться ради него. Подземелья, охранник, голоса и потревоженные ими воспоминания – она все вынесет. И переживет еще сто раз, если это поможет ей снова увидеться с Лукой.

Когда Ана думала о нем, у нее болело сердце. Ее горе было бездонной черной ямой, но нельзя было в нее падать. Не сейчас, когда она была так близка к тому, чтобы найти единственного человека, способного помочь ей вернуть честное имя.

– Рамсон Острослов! – рявкнул охранник, останавливаясь у камеры. – К тебе пришли.

Зазвенели ключи, дверь неохотно и со скрипом открылась. Охранник повернулся к ней, подняв факел, и Ана заметила, что его взгляд вновь скользнул по ее капюшону.

– Он внутри. Я буду здесь – крикните, когда будете готовы выйти.

Собрав всю свою смелость, Ана резко вдохнула, расправила плечи и сделала шаг внутрь камеры.

Ее встретил едкий запах рвоты, к которому примешивалась вонь человеческих экскрементов и пота. В дальнем углу, привалившись к засаленной стене, сидел человек. Его рваные рубаха и штаны были запачканы кровью, на его запястьях виднелись ссадины от кандалов, приковывавших его к стене. Лица Ана не могла разглядеть – она видела только спутанные темные волосы. Но затем он поднял голову, и она поняла, что часть его лица скрывала грязная борода, в которой виднелись остатки пищи.

И это гений преступного мира, чье имя она выпытывала у дюжины воришек и жуликов? Человек, на которого она возлагала все свои надежды последние одиннадцать месяцев?

Однако, почувствовав на себе внимательный взгляд, Ана застыла. Он был молод – намного моложе, чем, по ее представлению, следовало быть знаменитому на всю империю преступному лорду. От удивления у нее сжался живот.

– Острослов, – сказала она осторожно, проверяя, не подведет ли ее голос, а затем добавила громче: – Рамсон Острослов. Это твое настоящее имя?

Уголок рта заключенного пополз вверх, изображая ухмылку.

– Смотря что ты понимаешь под настоящим. В местах, подобных этому, настоящее и вымышленное часто меняются местами.

Говорил он плавно, но в его голосе звучали резкие нотки, характерные для речи кирилльской знати.

– Как тебя зовут, дорогая?

Вопрос застал Ану врасплох. Уже год она ни с кем не обменивалась любезностями, если не считать Мэй. Анастасия Михайлова, – хотелось ей ответить. Меня зовут Анастасия Михайлова.

Хотя так ее никто не звал. Анастасия Михайлова была принцессой, наследницей престола Кириллийской империи, утонувшей одиннадцать месяцев назад в попытке избежать казни за убийство и измену Кириллийской короне. Анастасия Михайлова была призраком, монстром, который не имел права на существование.

Ана сильнее сжала края своего капюшона.

– Мои имя тебя не касается. Как быстро ты можешь найти человека в пределах империи?

Заключенный рассмеялся.

– Сколько ты можешь мне заплатить?

– Отвечай на вопрос.

Он наклонил голову набок, на губах играла насмешливая улыбка.

– Зависит от того, кого ты ищешь. Возможно, несколько недель. У меня целая сеть коварных шпионов и законченных прощелыг, которым я поручу найти следы нужного тебе человека. – Он замолчал и сложил руки, звеня цепями. – Гипотетически, конечно же. Даже у меня не безграничные возможности, пока я сижу за решеткой.

Во время разговора у Аны складывалось ощущение, что она ходит по натянутому канату, одно неправильно сказанное слово – и она сорвется. Лука учил ее основам ведения переговоров: воспоминание об этом подобно свече озарило тьму камеры.

– У меня нет нескольких недель, – сказала Ана. – И мне не нужно от тебя никаких иных действий. Только имя и место.

– С тобой непросто договориться, моя милая.

Острослов оскалил зубы, а Ана прищурилась. По его свободной манере речи и веселому огоньку в глазах было понятно, что он находит ее отчаянье забавным, хотя не представляет, кто она и зачем пришла.

– Но, к счастью, я сговорчивый. Давай договоримся, дорогая. Освободи меня, и можешь распоряжаться мной как хочешь. Я найду твоего прекрасного принца или твоего злейшего врага за две недели, будь он на краю пустыни Арамаби или в небе Кемейранской империи.

Манерная медлительность его речи чуть не вывела Ану из себя. Она догадывалась, как действовали подобные коварные преступники. Дашь им то, что они просят, и они тут же воткнут тебе нож в спину – не успеешь и глазом моргнуть.

Она не попадет в эту ловушку.

Ана запустила руку в складки своего потрепанного плаща и извлекла оттуда кусок пергамента. Это была копия одного из рисунков, которые она сделала сразу после смерти папы. В тот период кошмары заставляли ее просыпаться посреди ночи, а образ этого лица, преследуя, не покидал ни на секунду.

Быстрым движением она развернула пергамент.

Даже в льющемся из коридора тусклом свете факела Ана могла разобрать черты человека на портрете: лысая голова и меланхоличные, преувеличенно большие глаза, придававшие владельцу сходство с ребенком.

– Я ищу мужчину. Кирилийского алхимика. Он когда-то был врачом во дворце в Сальскове. – Она помедлила, но решила рискнуть. – Назови мне его имя и где его найти, и я освобожу тебя.

Внимание Острослова было приковано к рисунку с того момента, как она его развернула. Он смотрел, как голодный волк на добычу. На мгновение его лицо застыло и стало непроницаемым. А потом его глаза широко распахнулись.

– Он, – прошептал Острослов. И это слово зажгло огонек надежды в ее сердце, теплый, как лучи восходящего солнца после долгой-долгой ночи.

Наконец-то.

Наконец-то.

Одиннадцать лун она пряталась, в одиночестве проводила темные ночи в холодных северных лесах Кирилии, а днями обыскивала город за городом и в конце концов нашла человека, который знал убийцу ее отца.

Рамсон Острослов – это имя шептали бармены, завсегдатаи пивнушек и охотники за головами, когда возвращались ни с чем после поисков неуловимого алхимика. Самый могущественный криминальный лорд кирилийского подполья, имеет много связей. Он мог отыскать даже принадлежащую благородной даме гужкину мышку на другом краю империи и всего за неделю.

Возможно, они были правы.

Ана всеми силами пыталась унять дрожь в руках: она настолько сосредоточилась на его реакции, что почти забыла дышать.

Глаза Острослова все еще были прикованы к портрету, он, словно замороженный, протянул руку:

– Дай посмотреть.

Сердце Аны бешено билось, когда она рванулась вперед, чуть не запнувшись в спешке. Она протянула заключенному пергамент. На мгновение, тянущееся бесконечно, Острослов, подавшись вперед, прикоснулся большим пальцем к углу рисунка.

И вдруг набросился на нее. Его рука сжала ее запястье мертвой хваткой. Другой рукой он зажал ей рот, прежде чем она успела закричать. Он резко толкнул ее вперед, развернул и прижал к себе. Почувствовав смрад его грязных волос, Ана приглушенно застонала.

– У этой истории не обязательно должен быть плохой конец, – его голос звучал низко, бывшее спокойствие сменилось спешкой. – Ключи висят снаружи, у двери. Помоги мне выбраться, и я предоставлю тебе информацию, о ком пожелаешь.

Ана вывернулась и сбросила его грязную ладонь с лица.

– Отпусти меня, – прорычала она, пытаясь высвободиться из его хватки.

Но он лишь сжал ее сильнее. Вблизи, в свете факела, было заметно, как сквозь острый блеск его карих глаз вдруг проступило что-то дикое, почти безумное.

Он собирается причинить ей боль.

Ану обуял страх. Но благодаря годам тренировок, сквозь пелену паники, которая охватила ее, пробился единственный инстинкт.

Она тоже может заставить его страдать.

В ответ на теплое пульсирование его крови внутри ее зашевелилась сила родства, разливаясь по венам и наполняя ощущением могущества. Стоит только захотеть, каждая капля крови в его теле будет подчиняться ее воле.

Нет, – подумала Ана. Сила родства – это крайняя мера. Как и у любого аффинита, сила меняла ее внешний облик. Самое незначительное отклонение силы от состояния покоя – и радужная оболочка глаз окрашивалась в багряный цвет, а на кистях и предплечьях темнели вены. По этим признакам можно было безошибочно определить, кто она такая, – нужно было только знать как. Ана подумала об охраннике, стоявшем снаружи, об изгибе горлышка пузырька с божевосхом, о зловещем блеске меча из черного камня.

Она была так занята, пытаясь усмирить силу родства, что произошедшее дальше стало для нее полной неожиданностью.

Острослов резко вскинул руку и сдернул с Аны капюшон.

Она подалась назад, но было уже поздно. Острослов пристально смотрел ей в глаза, выражение предвкушения на его лице сменилось триумфом. Он заметил багряный цвет ее глаз: он знал, как определить наличие у нее силы родства. Губы его растянулись в ухмылке. Он отпустил ее и закричал:

– Помогите! Аффинит!

Прежде чем Ана осознала, что все-таки попала в его ловушку, она услышала громкий топот шагов за спиной.

Ана развернулась. Охранник ворвался в камеру, подняв черный меч: божевосх, которым он полил лезвие, зеленовато мерцал в свете факела.

Ана уклонилась. Но недостаточно быстро.

Она ощутила резкую боль: меч успел полоснуть ее по предплечью. Ана кинулась в противоположный конец камеры, тяжело дыша. Меч разрезал перчатку: ткань разошлась, обнажив тонкую струйку крови.

На миг весь мир остановился. Существовали лишь эти капли крови, слабый изгиб оставленной ими дорожки, спускающейся к запястью, мерцание на свету бусинок, похожих на рубины.

Кровь. Сила родства пробуждалась, отвечая на зов своего элемента. Ана сорвала перчатку, поморщившись от того, как воздух ожег рану.

Началось – вены на руках налились иссиня-фиолетовым цветом, проявляясь на коже неровными полосами. Она знала, как это выглядит со стороны, часами изучая себя в зеркале, с глазами, опухшими от слез, и руками, окровавленными от попыток выщарапать вены.

Из темноты донесся тихий голос.

Деимхов.

Ана подняла голову и встретила взглядом с охранником, поднимавшим факел.

Его лицо исказил ужас. Он попятился в угол, где сидел Острослов, и направил на нее меч.

Ана провела по ране пальцем. Он стал влажным, на нем виднелись следы зеленоватой жидкости, которая теперь смешалась с ее кровью.

Божевох. Ее сердце начало колотиться, а в голове пронеслись воспоминания: подземелья, Садов, заливающий ей горькую жидкость в горло, слабость и головокружение, следовавшие за этим. И каждый раз пустота там, где раньше была сила родства. Как будто она потеряла зрение или обоняние.

Она провела годы, поглощая этот яд в надежде, что он изгонит силу родства из ее тела. Но вместо этого у нее выработалась устойчивость к божевоху. В то время как яд практически мгновенно блокировал способности большинства аффинитов, у Аны было пятнадцать-двадцать минут, прежде чем он сведет к нулю ее силу родства. В отчаянной попытке выжить, ее тело адаптировалось.

– Дернешься, и я снова тебя ударю, – прорычал охранник нетвердым голосом. – Мерзкая аффинитка.

Звон металла, свет, скользнувший по запутанным темным волосам. Прежде чем кто-либо успел среагировать, Острослов затянул цепи на шее охранника. Последний начал давиться и хватать ртом воздух, пытаясь сорвать цепи, все глубже впивающиеся в его шею. В тени за его спиной сверкнули, оскалившись в улыбку, белые зубы Острослова.

К горлу Аны подступила желчь, и ее накрыла волна головокружения – яд распространялся по телу. Она схватилась за стену, а на лбу, несмотря на холод, проступили капли пота.

Острослов повернулся к ней, не отпуская пытавшегося высвободиться охранника. У заключенного было хищное выражение лица, небрежное равнодушие переросло в волчий голод.

– Давай-ка попробуем еще раз, дорогая. Ключи должны висеть на гвозде у двери в камеру – согласно стандартным правилам, их там оставляет охранник, прежде чем зайти внутрь. Мои кандалы открываются железными ключами, напоминающими по форме вилку, четвертые сверху. Освободи меня от цепей, помоги нам обоим выбраться отсюда невредимыми – и поговорим о твоём алхимике.

Ана попыталась унять дрожь в теле. Ее взгляд метался между Острословом и охранником. Глаза охранника закатились, а на губах пузырилась слюна – он задыхался.

Ана знала, насколько опасен Острослов, когда отправилась на его поиски. Но она не ожидала, что узник, прикованный к каменным стенам Гоуст Фолз, так далеко зайдет.

Снять с него оковы было бы ужаснейшей ошибкой.

– Давай скорее, – голос Острослова подталкивал ее к пугающему выбору. – У нас мало времени. Через две минуты здесь будет новая смена охраны. Тебя бросят в одну из этих камер и продадут по рабочему контракту – все мы знаем, как это бывает. А я останусь здесь.

Он дернулся и крепче затянул цепи. У охранника надулись щеки.

– Если ты предпочитаешь такой сценарий, то, надо признать, я разочарован.

Тени в камере перемещались и искажались. Ана зажмурилась, пытаясь успокоить свой бешеный пульс, который был первой реакцией на действие яда. Следом должны начаться озноб и тошнота. Затем энергия уйдет из тела. Все это время сила родства будет медленно затухать, как догорающая свеча.

Думай, Ана, – сказала она самой себе, сжимая зубы. Ее взгляд перемещался по камере.

Пока у нее еще оставалась сила, она могла пытаться заключенного. Она могла пролить кровь, причинить ему боль, угрожать и выбить из него местоположение алхимика.

У нее выступили слезы, и Ана плотно сжала глаза, чтобы не видеть образы, угрожающие заполнить ее сознание. Среди всех воспоминаний одно пылало, как пламя среди хаоса. Ты не

монстр, сестричка. Голос Луки, ровный и твердый. Сила родства не определяет, кто ты есть. Что делает тебя тобой – это то, как ты выбираешь ее использовать.

Это правда, – подумала Ана, вздыхая и пытаясь найти поддержку в словах брата. Она не была палачом. Она не была монстром. Она – хороший человек, и она не станет подвергать этого заключенного – как бы ни были темны его помыслы – тем же пыткам, через которые она сама прошла однажды.

Это означало, что оставался единственный выбор.

Прежде чем она успела осознать, что делает, Ана пересекла камеру, сняла со стены ключи и занялась замком на кандалах заключенного. Раздался щелчок, и они упали на землю. Острослов бросился в сторону и преодолел расстояние до двери в мгновение ока, растирая саднящие запястья. Охранник повалился на пол, потеряв сознание, со свистом втягивая воздух через полуоткрытый рот.

На Ану накатила новая волна тошноты. Она ухватилась за стену.

– Мой алхимик, – сказала она. – У нас был договор.

– А, это, – Острослов подошел к двери и выглянул в коридор. – Буду с тобой честен, милая. Я понятия не имею, кто этот человек. Прощай.

Не успела она и глазом моргнуть, как он уже был по ту сторону решетки. Ана подалась вперед, но дверь с лязгом захлопнулась.

Острослов погремел для нее связкой ключей.

– Не принимай это лично. В конце концов, я аферист.

Он шуточно отдал честь, развернулся на каблуках и исчез в темноте.

2

Секунду Ана просто стояла и смотрела в спину удаляющемуся Острослову, ощущая, как мир уходит у нее из-под ног. Аферист кинул ее. Она выдавила горький смешок. Разве это не было ожидаемо? Вероятно, несмотря на все месяцы, которые она провела, учась выживать самостоятельно, она так и осталась наивной принцессой, неспособной существовать вне стен дворца *Сальскова*.

Ее рана пульсировала, по руке стекала извилистая струйка крови, смешанной с божевоухом. В воздухе стоял металлический запах яда.

Сила родства всколыхнулась.

«Нет», – резко подумала Ана, дотрагиваясь до раны. Капли крови, казалось, вибрировали на кончиках ее пальцев. Нет, она не была наивной принцессой. Принцессы не обладали властью над кровью. Принцессы не убивали ни в чем не повинных людей посреди бела дня на городской площади. Принцессы не были монстрами.

Внутри у Аны что-то надломилось, и внезапно она стала задыхаться от прилива копившегося годами гнева, который закипал со знакомым тошнотворным чувством.

Мир вокруг померк, осталась лишь кровь, медленно стекавшая по руке на пол, капля за каплей.

Хочешь, чтобы я была монстром? Ана подняла голову и устремила взгляд в ту сторону, где исчез Рамсон. *Я буду монстром.*

Ана выпустила силу родства, затаившуюся в потаенном уголке внутри нее.

Казалось, она зажгла свечу в кромешной тьме. Свет озарил тени, играющие ее сознанием, а сила родства нашла тот самый элемент, из-за которого ее считали монстром: кровь.

Кровь была повсюду: внутри каждого заключенного в соседних камерах, на грязных стенах, разбрызганная и размазанная, как краска, разнящаяся от ярко-красной до выцветшей ржаво-медной. Ана могла закрыть глаза и не видеть, но чувствовать, как кровь вырисовывает очертания окружающего пространства, которое постепенно, на расстоянии двух коридоров отсюда, растворяется в небытии, потому что дальше Ана не могла заглянуть. Она чувствовала, как кровь циркулирует по венам мощным, как река, потоком, или течет спокойно, как ручеек, или неподвижная и застывшая, как смерть.

Ана раскинула руки, как будто впервые за долгое время смогла глубоко вдохнуть. Вся кровь. Вся сила. Все это подчиняется ей.

Ана с легкостью обнаружила афериста: адреналин, бегущий по его телу, подсвечивал его, и он напоминал пылающий факел среди тлеющих свечей. Она направила силу родства на его кровь и потянула.

Странное чувство радостного возбуждения наполнило ее, когда его кровь подчинилась. Каждая капля крови в теле Острослова исполняла ее команды. Ана глубоко вдохнула и поняла, что улыбается.

Маленький монстр, прошептал голос в ее сознании, в этот раз – ее собственный. Возможно, Садов все-таки был прав.

Возможно, какая-то часть внутри нее действительно была искажена, делая ее монстром, несмотря на то как рьяно она пыталась с этим бороться.

В коридоре раздался крик, за ним последовал глухой удар и звуки борьбы. Затем медленно из темноты показалась ступня. Потом нога. Потом все тело. Ана тянула его к себе, завладев его кровью. Она наслаждалась ее полным подчинением и тем, как преступник дергался, подобно марионетке, которой она управляет.

По ту сторону решетки Острослов извивался на земле.

– Прекрати, – еле дыша проговорил он. На его покрытой пятнами пота рубахе проступила красная клякса, пропитывая грязную ткань. – Прошу – что бы это ни было...

Ана просунула руку меж прутьев решетки и, ухватив Рамсона за воротник, притянула так близко, что его лицо ударилось о металл.

– Молчать, – ее голос напоминал рычание, и она еще раз потянула его кровь, провоцируя тихий стон. – Теперь слушай меня. С этого момента ты делаешь то, что я говорю, иначе боль, что ты сейчас ощущаешь, станет лишь началом.

Ей казалось, что за нее говорит кто-то другой, а она слушает со стороны.

– Все ясно?

Он тяжело дышал, зрачки были расширены, лицо бледным. Ана подавила подступавшее чувство вины и жалости.

Ее черед отдавать приказы. Ее черед командовать.

– Теперь открой дверь.

Медленно, пошатываясь, аферист поднялся на ноги. Его била дрожь. Лицо лоснилось от пота. Он некоторое время теребил замок в руках, потом послышался скрип двери.

Ана вышла из камеры и повернулась к Острослову. Ее немного покачивало из-за нового приступа головокружения. Когда Рамсон при виде ее съежился от страха, внутри Аны что-то сжалось от извращенного удовольствия. В тех местах, где под кожей лопнули сосуды, на рубахе расплывались пятна крови. Завтра, подобно страшной болезни, его тело покроет россыпь безобразных синяков. Дело рук дьявола, говорил Садов. Прикосновение деимхова.

Ана отвернулась прежде, чем ее охватило чувство отвращения от содеянного. Она машинально потянулась к капюшону, накидывая его, чтобы спрятать глаза. В руках ощущалась тяжесть, они были покрыты выступающими венами, набухшими от крови. Она спрятала голые ладони под плащ, пальцы вцепились в холодную ткань. Без перчаток она чувствовала себя незащищенной.

Волосы на затылке зашевелились, когда Ана поняла, что в тюрьме воцарилась абсолютная тишина.

Что-то было не так.

Стоны и перешептывания заключенных смолкли – затишье перед бурей. И вдруг в одном из дальних коридоров послышался металлический лязг.

Ана напряглась. Сердце быстро забилося.

– Нам нужно выбираться отсюда.

– Боги всемогущие, – выругался Острослов. Он встал с земли и снова сел, припав к стене. Он тяжело дышал, а на шее вздулись жилы. – Ты кто такая?

Вопрос застал Ану врасплох: она могла дать на него тысячу разных ответов. Черда непрошенных воспоминаний пронеслась перед ее внутренним взором, как будто кто-то перелистывал страницы пыльной книги. Замок из белого мрамора на фоне зимнего пейзажа. Очаг, треск огня, спокойный низкий голос папы. Брат, золотоволосый, с глазами-изумрудами. Его смех лучистый, как солнце. Милая тетя, ее глаза всегда такие выразительные: голова склонена в молитве, темная коса, спадающая на плечи...

Ана загнала эти воспоминания обратно в глубины памяти, отгораживая их стеной, которую строила весь прошедший год. Ее жизнь, ее прошлое, ее преступления – это ее тайны. Она не могла позволить, чтобы человек, находящийся перед ней, разглядел в ней какую-то слабость.

Прежде чем она успела ответить, Острослов вскочил на ноги. Он двигался так быстро, что она едва успела издать удивленный возглас – а его рука уже вновь зажала ей рот. Рамсон толкнул ее за каменную колонну.

– Охранники, – прошептал он.

Ана врезала ему коленом в пах. Острослов согнулся надвое, но сквозь произносимые шепотом проклятия она расслышала звук шагов.

Сапоги стучали по подземному коридору – ритмичные шаги нескольких солдат. Ана смогла различить тусклый отсвет далекого факела, который становился все ярче. По коридору разносилось эхо голосов. Судя по звучащему смеху, охранники перекидывались шутками.

Ана выдохнула. Их пока не заметили. Эти солдаты просто совершали положенный обход.

Острослов выпрямился и, прячась за колонной, притянул Ану ближе. Прижавшиеся друг к другу, с одной мольбой в сердце, они могли бы быть сообщниками или даже союзниками. Но свирепый блеск его глаз напомнил ей, как это было далеко от реальности.

Когда охранники проходили мимо колонны, Ана старалась не дышать. Они были так близко, что она слышала шорох их дорогих меховых плащей, шарканье сапог по засаленному полу.

От внезапной мысли она содрогнулась. Охранник. Они оставили его лежать без сознания на полу камеры Острослова.

Рядом с ней Рамсон тоже напрягся. Казалось, он думал о том же самом. Шепотом он выругался.

Раздался испуганный крик, за которым последовал скрежет открывающейся двери. Ана зажмурила глаза. Страх расцветал ледяным цветком в ее груди. Они нашли отключившегося охранника.

– Слушай меня, – Острослов говорил тихо и быстро. – Я изучал план этой тюрьмы, я знаю ее устройство так же хорошо, как сколько в моих карманах златников. Мы оба понимаем, что без моей помощи ты отсюда не выберешься, а мне, в свою очередь, пригодится твоя сила родства. Поэтому я прошу тебя довериться мне сейчас. Как только мы покинем это проклятое место, можем продолжить вгрызаться друг другу в глотки с того момента, на котором остановились. Звучит неплохо?

Она ненавидела его – ненавидела тот факт, что он ее обманул, и то, что он был прав.

– Ладно, – едва слышно ответила Ана. – Но если тебе в голову придет выкинуть какой-нибудь фокус, просто помни, что я могу с тобой сделать. Что я обязательно сделаю.

Острослов осматривал коридор впереди, кивая головой в знак согласия.

– Справедливо.

Из-за колонны они видели, как один из солдат зашел в камеру и безо всякой надежды потряс своего павшего товарища. Еще двое продвигались в глубь подземелий, вынув мечи из ножен и высоко подняв факелы. Началась охота.

Борода Острослова щекотала ей ухо.

– Когда я скажу беги...

Свет факела удалялся.

– Беги.

Ана выскочила из-за колонны. Она не могла вспомнить, чтобы когда-либо так быстро бежала. Камеры проносились по обе стороны от нее темными пятнами. В конце коридора, который был так далек, что его можно было закрыть большим пальцем, виднелся серебристый свет – выход.

Ана решила обернуться назад. Прямо за ней неся Острослов.

– Беги! – кричал он. – Не останавливайся!

Перед ней был яркий свет, под ногами – твердый каменный пол. Не успев понять, что происходит, Ана уже взбиралась вверх по ступеням, перепрыгивая через одну. Частое дыхание раздирало горло.

Она очутилась среди ослепительного дневного света.

Тут же из глаз побежали слезы.

Все было белым: мраморные полы, уходящие ввысь стены, сводчатые потолки. Сквозь узкие окна над их головами струился солнечный свет, отражаясь в мраморе. Ана читала, что

так было задумано при строительстве тюрьмы. Узники оставались в темноте под землей так долго, что свет ослеплял их, стоило им выбраться из подземелий.

И хотя Ана внимательно читала книги и собрала всю возможную информацию о тюрьме, у нее не оставалось другого выхода из этой ловушки – только ждать, пока глаза привыкнут к свету.

Громкий лязг донесся из-за спины. Сквозь слезы Ана увидела, как Острослов запирает двери в подземелье. Он взлетел по лестнице, перепрыгивая через три ступени. Наверху он закрыл глаза руками, сыпля проклятиями.

За пределами этого зала – Ана не могла понять, где именно, слышались отзвуки голосов. Слабый стук эхом разлетался по мраморному полу и отражался от невыносимо белых стен – топот сапог и звук мечей, вытаскиваемых из ножен.

Охрана забила тревогу. Ана посмотрела на Острослова. Сквозь пелену слез она смогла увидеть, что на его лице показалось выражение абсолютной паники. Ана вдруг поняла, что, несмотря на всю его хитрость и браваду, Рамсон Острослов не имел никакого плана.

Страх заставил ее думать быстрее. Жгучая боль в глазах проходила, и окружающий мир вновь приобретал четкие очертания. Несколько коридоров веером расходились из той точки, где они стояли: три налево, три направо, три вперед, три назад. Все белые и абсолютно одинаковые.

Голова трещала от боли, вызванной действием божевосха: Ана не могла вспомнить, из какого коридора она вышла. Это место было лабиринтом, построенным, чтобы загонять заключенных и посетителей в ловушку, как добычу в паутину.

Ана ухватила Острослова за рубаху.

– Куда дальше?

Он выглянул в щель между пальцами и застонал.

– Черный ход, – пролепетал он.

Ана замерла. Безусловно, она собирала данные о Гоуст Фолз – скудные сведения, которые пока не помогали, – но нигде не упоминалось о черном ходе. Ана знала, что главный вход представлял три охраняемые двери. Внутренний двор стерегли лучники, которые расстреляют их, как мишени в тире, высунь они туда нос. Все это она успела спокойно рассмотреть, пока шла за охранником внутрь – тогда еще в качестве посетителя.

Никогда, даже в своих самых безумных фантазиях, Ана не представляла, что будет бежать из тюрьмы в паре с осужденным преступником, а преследовать их будут десятки солдат.

Ану накрыл приступ ярости. Она схватила Острослова за грязную рубашку и потрясла его.

– Ты заварил эту кашу, – прохрипела она. – Тебе и расхлебывать. Как пройти к черному ходу?

– Вторая дверь... вторая дверь справа от нас.

Ана бросилась бежать и потащила Рамсона за собой. В одном из коридоров был слышен топот, но она не могла понять, в каком именно. В любой момент сюда могло прибыть подкрепление.

Они добежали почти до середины зала, когда позади раздался крик.

– Стоять! Остановитесь именем Кольст² императора Михайлова!

Великий император Михайлов. Имя Луки звучало из их уст так привычно, так внушительно. Как будто они знали что-то о ее брате. Как будто у них было право приказывать от его имени.

² Кольст – великий; обращение наподобие «Ваше величество/высочество».

Она повернулась к тюремным охранникам. Их было пятеро. На их белой форме красовался серебряный кириллийский тигр, лезвия их черных мечей блестели на солнце. Они были в полной экипировке, в шлемах, их сияющие доспехи отливали серыми оттенками сплава.

Они скалились и рассредотачивались, как охотники, окружавшие дикого зверя. Раньше они бы встали на колени в ее присутствии, поднесли бы два пальца к груди и очертили ими круг в знак уважения. «Кольст принцесса», – прошептали бы они.

Но это время было далеко в прошлом.

Одной рукой Ана понизе натянула капюшон. Другую руку, раненую, без перчатки, она подняла навстречу охранникам. Кровь по спирали стекала по ее руке, оставляя яркий темно-красный след на ее смуглой оливковой коже.

Живот скрутило, и к горлу подступила тошнота. В отличие от аффинитов, которые обучались или работали, таким образом оттачивая свои умения годами, умение Аны управлять силой родства было слабым и незрелым. Вступать в поединок с таким количеством людей одновременно было чревато полной потерей контроля. Такое уже случилось – почти десять лет назад, – и ей становилось дурно лишь при мысли об этом.

Согнув колено, лучник занял позицию, наконечники его стрел блестели от божевосха. Анна сглотнула.

– Прикрой меня, – сказала она Острослову, и ее сила родства с ревом пробудилась.

Покажи им, что ты есть на самом деле, мой маленький монстр.

Покажи им.

Ана дала волю своей силе, и она разлилась по ее телу, со звоном, криком заполняя вены. Сквозь помутнение неистового буйства Ана нацелилась на очертания пяти охранников. Их кровь бежала по венам, смешиваясь с адреналином и страхом.

Сосредоточившись на возникшей с их кровью связи, Ана изо всех сил потянула ее на себя – плоть разорвалась. Воздух наполнился кровью. Сила родства резко схлынула. Материальный мир вновь ворвался в ее сознание водоворотом из мраморных полов и холодного солнечного света. Почему-то она стояла на четвереньках, ее руки и ноги дрожали, пока она пыталась сделать вдох. Бежево-золотые прожилки на мраморе вращались перед ее глазами – божевосх добрался до головы. Меньше чем через десять минут он распространится по всему телу, и сила родства исчезнет.

Ана подалась вперед, сгибаясь от приступа кашля. Белый пол оросили красные брызги.

Рука легла ей на плечо. Ана вздрогнула. Над ней склонился Острослов, который, раскрыв рот, осматривался вокруг.

Коридор был зловеще пуст. Разбросанные по залу, лежали пять искореженных фигур. Лежали неподвижно, в лужах собственной крови. Темные пятна медленно расплывались по полу и просачивались в сознание Аны.

Прикосновение деимхова.

– Невероятно, – прошептал Острослов, смотря на нее со смесью восхищения и восторга. – Ты ведьма.

Ана пропустила оскорбление мимо ушей и, тяжело дыша, рухнула на отполированный мрамор пола. Использование силы родства отняло у нее всю энергию, как это всегда и бывало.

– Оставайся здесь, – приказал Острослов и исчез.

Ана поднялась на колени. Внезапно она остро осознала присутствие тел вокруг нее, холодных, неподвижных и безжизненных. Она ощущала их кровь – бурные реки, обернувшись лужами стоячей воды, необыкновенно тихой. В контрасте с багровым мрамор сиял белизной. Солнечный свет ярко озарял сцену, как будто пытаясь сказать: *посмотри. Посмотри, что ты наделала.*

Ана нагнулась вперед и обхватила себя руками, чтобы унять дрожь. «Я не хотела. Я потеряла контроль. Я не просила эту силу родства. Я никому никогда не хотела причинить боль».

Возможно, монстры тоже никому не хотели причинять боль. Возможно, монстры даже не знали, что они монстры.

Ана сосчитала от десяти до одного, давая себе время перестать плакать и подняться с пола. Ее ладони оставляли за собой кровавый след. Она прислонилась к стене и сделала несколько глубоких вдохов. Ее глаза были закрыты, чтобы не смотреть на открывающееся перед ней зрелище.

– Ведьма!

Ана вздрогнула. Острослов стоял у второго коридора справа от нее с перекинутым через плечо мотком веревки. Он махнул ей и, развернувшись, исчез в глубине коридора.

Как давно он стоял там, наблюдая за ее бессилием? Она смотрела ему вслед, ее накрывала сильнейшая усталость и усиливающееся чувство тревоги.

– Пошевеливайся! – послышался его голос, сопровождаемый слабым эхом.

Потребовалась каждая частица ее силы воли, чтобы выпрямить спину и поковылять за Острословом.

Тюрьма была построена в виде лабиринта. Капитан Макаров объяснял Ане принципы проектирования тюрем, когда она была еще маленькой девочкой. На его лице появлялись складки морщин, когда он улыбался ей из-под пряди тронутых сединой волос, а привычный запах крема для бритья и металла его обмундирования успокаивал Ану.

Спокойным баритоном капитан Макаров рассказывал ей, что кириллийские тюрьмы были лабиринтами, где пытавшиеся сбежать заключенные оказывались в ловушке. От паники и неопределенности они теряли рассудок еще до того, как их успевали поймать. Внешние стены лабиринтов-тюрем усиленно охранялись, но внутри было не так много солдат: всех заключенных, которым удавалось подобраться к наружным укреплениям, тут же застреливали из лука.

Ане оставалось только надеяться, что черный ход, известный Острослову, не сулил им такой быстрой смерти.

Впереди аферист передвигался с такой хищной грацией, что напомнил Ане пантеру, которую ей довелось однажды видеть на выставке экзотических животных в Сальскове. Она заметила, что в его руках поблескивает украденный кинжал – на его рукояти переливался символ белого тигра.

Как будто прочитав мысли Аны, Рамсон бросил на нее взгляд.

– Устала? – шепотом спросил он. – Это цена, которую аффины платят за свои способности, не так ли? Вдобавок, благодаря нашему другу из камеры, не обошлось без легкого мазка божевосхом.

Из-за угла показался охранник, и Ане не пришлось придумывать остроумный ответ.

Три бесшумных прыжка – и Острослов уже подносил кинжал к его шее. Росчерк металла – и охранник упал, из груди торчала рукоять с белым тигром. В глазах Аны мутилось, но она смогла отметить отработанную точность в движениях Острослова. Угол, под которым он вонзил лезвие, был выверен с поистине научной точностью.

Привычным жестом Рамсон вытащил кинжал.

– Почти пришли, – сказал он.

На стенах попадалось все меньше и меньше факелов, и становилось темнее. Мрамор сменился неотесанным камнем. Раз или два Ане казалось, что вот-вот наступит полная тьма. Она использовала силу родства как факел, но понимала, что дальность действия ее уменьшается, так как божевосх постепенно берет свое. Даже быстротекущая кровь Острослова то появлялась, то исчезала с радара Аны, как тень.

На фоне мерного постукивания их каблучков послышался другой шум – слабый, но нарастающий, как шепот ветра в ветвях сибирских лиственниц, которые раньше росли у нее за окном.

Шум... воды.

Они, должно быть, находились в задней части тюрьмы, куда сливали нечистоты, сваливали мусор, а также тела умерших заключенных. В отличие от большинства кирилийских тюрем, которые были построены у рек для облегчения ликвидации отходов, Гоуст Фолз стоял на вершине утеса, рассекаемого водопадом. Поэтому он так и назывался. Была даже такая старая шутка: узники застряли между скалой и водопадом.

Скалой и водопадом.

Ноги Аны стали ватными.

– Острослов, – напряглась Ана, а потом закричала: – Острослов!

Но он скрылся за углом. Ана побежала. Шум воды становился все громче, пока не стал заглушать ее собственные шаги.

Следующий коридор неожиданно заканчивался аркой с дверью из черного камня. Холодная, поглощающая свет, она словно что-то шептала Ане.

Острослов опустился у двери на колени: из-за своей длинной серой рубашки он был похож на призрак. В полутьме движения его рук были так же точны, как у дворцовых физиков, обучавших Ану. Под его пальцами что-то мелькнуло – он резко дернул вниз, и дверь открылась.

Приглушенный плеск перерос в оглушительный шум, отражавшийся от каменных стен и низких потолков. Острослов распахнул дверь, и у Аны сердце ушло в пятки.

За чернокаменной дверью коридор внезапно заканчивался, как будто кто-то взял столовый нож и аккуратно отрезал кусок. Конец коридора венчали две массивные колонны, упиравшиеся вершинами в выступы утеса. Над головой вдаль уходило серо-голубое кирилийское небо, соединяясь на горизонте с покрытой блестящим снегом равниной. Под ними пенилась и падала вниз ледяная вода. У Аны подкосились ноги от страха вновь ощутить, как вода заполняет внутренности. Этот страх был высечен глубоко в ее памяти благодаря случаю, произошедшему давным-давно. Безжалостные воды реки – другой реки, непохожей на эту, – чуть не погубили ее дважды много-много лет назад.

Острослов был уже занят делом. Он снял с плеча толстую веревку. Ловкими движениями обвязал один конец веревки вокруг колонны. Его пальцы сплели какой-то сложный узел.

Боги всемогущие. Ана прижалась к дальней стене и молила свои колени не подгибаться. Это и был черный ход, о котором говорил Острослов: спуск для отходов, откуда сбрасывали экскременты и тела покойников.

И они собирались прыгать.

– Я не стану с тобой туда спрыгивать! – прокричала Ана, пятась к коридору за чернокаменной дверью.

Острослов присел у края.

– Не знаю, чему тебя в школе учили, но вот пара уроков с улиц. Любой, кто решится прыгнуть отсюда, умрет. Удар о воду переломает тебе все кости.

Водопад бросался вперед, словно ревущий зверь, растворяясь внизу в таком густом тумане, что не было видно, где он заканчивался.

Острослов проверил прочность узла. Веревка туго натянулась.

– Ты идешь, ведьма?

Ана была абсолютно уверена, что он сошел с ума.

– Ты только что сказал, что любой, кто решится прыгнуть отсюда, умрет.

Острослов выпрямился в полный рост. На фоне подернутого дымкой голубого кирилийского неба и бурлящей белой воды у него был почти геройский вид.

– Да, сказал. Но, дорогая, мы и не собираемся прыгать.

Он указал на длинную веревку, большая часть которой лежала между ними, как змея, свернувшаяся кольцами. Конец ее обвивался вокруг колонны.

– Я планирую спустить нас к реке. Я все просчитал. Это сработает, – он широко улыбнулся и соединил большой и указательный палец в подобие кольца. – Один крошечный, маленький шаг. Как спуститься из кареты. Только не из кареты, а... с обрыва.

Его глаза задорно блеснули, и Ане захотелось его задушить. Боги всемогущие, она погибнет. За спиной – охранники, которые укутуют ее за решетку и продадут в трудовое рабство. Перед ней – сумасшедший аферист, который собирается прыгнуть навстречу своей смерти.

– Ну?

Острослов наклонил голову. Своими ловкими пальцами он уже надежно обвязал свободный конец веревки вокруг пояса и протягивал ей оставшуюся часть.

– Мы как минимум пять минут потратили, чтобы добраться сюда. Они подняли тревогу, так что новые охранники слетятся к нам, как пчелы на мед. Ты тратишь мое время, дорогая.

Ана вновь посмотрела на водопад, наблюдая за бурлящей белой водой, несущейся вниз с силой, которая раздробит ее кости. И вдруг представила себя, барахтающуюся в этих потоках, как десять лет назад. Пена и волны бьют в грудь, выворачивают конечности и давят на нос и губы.

Я не могу.

Позади в лабиринте сквозь рокот воды были слышны крики. Она призвала силу родства, но та настолько ослабела, что Ана чувствовала лишь едва различимые отзвуки крови. Рана на руке кольнула сильнее прежнего. Через пару минут от ее силы родства ничего не останется, и она будет бесполезна в драке.

Теперь обратного пути не было.

Ане хотелось плакать, но за годы, проведенные в подземельях с Садовым, она усвоила, что слезами делу не поможешь. Стоя лицом к лицу со своим страхом, можно было либо бежать, либо преодолеть себя.

И Ана сглотнула подступающую дурноту, сдержала слезы, подняла подбородок и прошла сквозь черную дверь. Пол был неровный и мокрый, а запах – как будто что-то, много чего-то, гниет здесь – не давал дышать, пока она продвигалась вперед.

– Я пришла сюда не затем, чтобы умереть, аферист, – вырвалось у Аны, когда она подходила к Острослову. – Если ты что-то выкинешь, я убью тебя прежде, чем это сделает вода. И поверь мне, ты будешь умолять позволить тебе спокойно утонуть.

Острослов балансировал на краю мраморного пола, держась за веревку. Пока он крепко привязывал Ану к своей груди остатками веревки, на губах у него играла ехидная ухмылка.

– Справедливо.

Ана задержала дыхание, почувствовав, как веревка врезается ей в спину и талию. Острослов криво улыбнулся.

– Я знаю, что воняю, милая, но поблагодаришь меня позже, когда выберешься отсюда живой.

Ветер хлестал ей по лицу. Она заглянула за край, где кончалась почва под ногами и начиналось ничто. Ее волосы выбились из тугого пучка, темные каштановые пряди развевались на фоне открытого голубого неба.

Острослов еще раз дернул за веревку.

– Держись крепче! – прокричал он.

Переборов себя, Ана обвила руки вокруг него, стараясь держать лицо как можно дальше от его груди, не потянув при этом шею.

Он шагнул с обрыва.

Отвращение, которое Ана испытывала к Острослову, испарилось, и она обнаружила, что прижимается к нему так крепко, будто от этого зависела ее жизнь.

Так и было.

Они повисли прямо на краю Гоуст Фолз, медленно раскручиваясь по спирали. В ушах гремел рев водопада, который был так близко, что она могла протянуть руку и дотронуться до него. Веревка, которой они были привязаны к колонне, покачивалась под ними длинной петлей, уходящей в белый туман.

Медленно Острослов начал их опускать. Его мышцы были туго натянуты, на шее проступали вены, пока он переставлял руки.

Ана решила посмотреть вниз. Увиденное заставило ее еще крепче вцепиться в Острослова, чтобы заглушить панику. Она, должно быть, прочитала тысячу молитв своим богам, но это не имело значения. В этот момент существовали только она и аферист.

Ана взглянула вверх. Туман был такой густой, что она еле-еле могла различить очертания тюрьмы. Это хорошо.

– Сколько еще? – прокричала она, практически не слыша собственного голоса из-за водопада.

– Почти на месте! – Рамсон кричал, но слов было не разобрать. – Нужно добраться до конца веревки, иначе падение убьет нас.

Ана прищурилась. Что-то – движение в тумане – заставило ее инстинктивно призвать свою силу родства. Та откликнулась: ничтожные крохи, эхо ее сил, все еще противостоящих божевосху.

Она нахмурилась, почувствовав что-то всем своим существом – нечто незаметное, почти ускользнувшее от нее.

В них ударил порыв ветра, и Ана закрыла глаза, пытаясь абстрагироваться от вызывающего тошноту покачивания. Когда она вновь открыла глаза, ветер рассеял часть тумана. Наверху, у края обрыва, был виден силуэт прицеливающего лучника.

– Осторожно! – закричала Ана, когда первая стрела просвистела над их головами.

Вторая попала в Острослова.

Он застонал от боли, когда она, порвав рукав, пронзила его плечо. Из раны сочилась кровь. Ана сдержала крик, когда рука Острослова начала скользить по гладкой веревке. Они наклонились, раскачиваясь на расстоянии ладони от водопада, грозившего разорвать их в клочья. Над ними лучник снова натягивал тетиву.

Внизу Ана увидела конец веревки: петля уменьшалась, приближаясь к поясу Острослова. Конец веревки. Они должны добраться до конца веревки, иначе они умрут.

Ана заглянула в себя: она перевернула все, пока не остались лишь плоть да кости. И нашла последние остатки силы родства, слабые, как угасающая свеча, все еще борющиеся с божевосхом.

Ана вскинула руку, ухватила за кровь лучника. И потянула.

Последний сжался, покачнулся, как будто его толкнул резкий порыв ветра. Ана позволила руке упасть. Что-то теплое заструилось по ее губам, и она почувствовала вкус собственной крови.

Вот и все. Божевосх победил, ей больше нечего дать.

Но этого было достаточно, чтобы отвлечь лучника и добраться до конца веревки.

Острослов отпустил руки и потянулся к бедру. Там тускло блеснул серебристый кинжал. Он наклонился к Ане, сощурил глаза. На его лице было мертвенно-спокойное выражение.

– Не сопротивляйся, не двигайся. Просто держись за меня. Ногами вперед, вытянув носки.

Ана с трудом поняла, о чем он говорит, крик ужаса замер у нее на языке.

Острослов поднял руку.

– Прежде всего бандит должен научиться падать.

Блеснуло лезвие. Он стремительно опустил занесенную руку.

И вот они уже падали.

3

Река поглотила их, как только они коснулись ее вод. Белые вихрящиеся потоки мстительно тянули их на дно, швыряя в разные стороны, как листья во время сильного ветра. Рамсон поддался течению.

Он знал эти воды, знал, когда нужно смириться и когда нужно бороться. Река всегда оказывалась сильнее. Нужно было учиться плыть по течению.

Эта вода отличалась от бескрайних морей из детства Рамсона. В Брегоне волны были насыщенно-синими, с блестящими на солнце гребешками. Он мог плавать часами, нырять и смотреть вверх на далекое небо из глубин мира приглушенных цветов и звуков.

В Кирилии реки были белыми, бурными и холодными. Рамсон изо всех сил старался не смыкать глаз, пока течение кидало его из стороны в сторону. Грудь сдавливало все сильнее. Вода проникала в нос и рот.

Аффинитка все еще была привязана к нему веревкой. Он чувствовал всем телом, как она извивалась, брыкалась и боролась с терзавшим ее течением.

Рамсон отвязал веревку. Шансы выжить были выше без лишнего балласта. Когда он это делал, то думал только о себе. Но когда он наблюдал, как течение уносит ведьму, ему пришло в голову, что ей это тоже может помочь.

«Не дергайся», – хотелось ему сказать ей. «Чем сильнее ты сопротивляешься, тем быстрее ты утонешь».

Его легкие жгло, в руках и ногах стала ощущаться знакомая слабость. Ему нужен был воздух, иначе появлялся риск остаться частью течения навсегда.

Рамсон начал барахтаться. Но как только он выровнялся, течение вновь перевернуло его. В груди закипала паника. Голова была легкой. Вода давила на нос и губы, но что-то подсказывало ему, что нельзя открывать рот. Тело отяжелело. Перед глазами кружились белые водовороты. Холод пронизывал.

«Плыви», – раздался голос. Рамсон тут же его узнал – спокойный, звонкий голос, который был неотъемлемой частью его детства и с тех пор не покидал его ни на день. И здесь, в бушующем хаосе, он звучал так близко. *Плыви, или мы оба погибнем.*

Выгнув спину, Рамсон выпрямил ноги. Течение немного ослабело. Где-то над ним, совсем близко, был свет.

«Плыви».

Свет становился ярче. Рамсон вынырнул на поверхность, кашляя и жадно глотая свежий, морозный воздух. Силы возвращались к нему.

Он выбирался на берег, впиваясь пальцами в полузамерзшую грязь и волоча ноги по припорошенной снегом траве. Он отчаянно дрожал, двигался рывками, постоянно останавливаясь, и дергал руками и ногами, чтобы стимулировать ток крови.

Река отнесла его на довольно большое расстояние: Гоуст Фолз превратился в пятнышко вдалеке, едва ли больше его ладони. Внутри у Рамсона все сжалось, когда он осознал высоту утеса и водопада, который сейчас напоминал туманную ленточку, спускающуюся в реку. Несмотря на все расчеты и тщательно продуманный план, который родился во тьме его камеры, нужны были чудо и помощь богов, чтобы они выжили.

Хотя не то чтобы Рамсон верил в богов.

Он повернулся к тюрьме спиной. Перед ним разворачивался заснеженный лес в подсвеченной полуденным солнцем золотистой дымке. А вдалеке были видны склоны и белые вершины уходящих за горизонт гор.

Но Рамсон чувствовал лишь холод, пробиравший до костей, и видел лишь длинные темные тени сосен. Это была Кирилия, северная империя, где осенняя ночь была холоднее любого зимнего дня в других королевствах. И если он не найдет укрытие до заката, он умрет.

Раздавшийся за спиной кашель заставил его развернуться, сжимая в руке кинжал. С некоторым удивлением он смотрел на аффинитку, взбирающуюся на берег, словно умирающий зверь. Она ползла на четвереньках, голова ее повисла, с прилипших к лицу темных локонов стекала вода. Без его помощи она бы больше не встала.

Рамсон отвернулся.

Снег заметал его следы, пока он шагал по направлению к лесу. Вскоре кашель девушки и шум воды стихли. Деревья росли плотно, их кроны закрывали солнце. С каждым шагом Рамсона все больше сковывал холод.

Он попытался вспомнить, что находилось вокруг Гоуст Фолз, но растущее чувство неуверенности помешало ему продвинуться далеко в этом деле. Его везли сюда в наручниках, с завязанными глазами. Повозка ехала несколько дней, а потом его вытащили оттуда и бросили в камеру. Насколько Рамсону было известно, вокруг тюрьмы была пустошь – необитаемые земли покрытой льдом тундры и северная тайга, которая занимала половину Кирилийской империи.

Каким-то образом его мысли вернулись к ведьме. Досадно, что их побег так ее обессилил. Она могла быть полезным союзником со своей мощной силой родства, а вместо этого она будет лишь тормозить его в пути. Он сомневался, что она сможет встать на ноги. О том, чтобы выбраться из леса, и речи не шло. Но если бы ей удалось, мрачно подумал он, куда бы она пошла?

Что-то щелкнуло в его голове, и он резко остановился. Ну конечно же. Как он мог быть таким идиотом? Он развернулся и, пошатываясь, побежал к тому месту, где оставил ведьму.

Девушка пришла в Гоуст Фолз, чтобы увидеть его. Что означало, у нее был путь для отступления. И транспортное средство.

Он нашел ее, припавшую к земле в нескольких метрах от реки. Ее голова была опущена, она обвила тело руками, быстро растирая его, будто пытаясь помешать теплу испаряться. Когда он подошел, она подняла голову и взглянула на него, полуоткрыв глаза. За несколько минут кончики ее волос заледенели.

Рамсон опустился на колени рядом, обхватил рукой ее шею, чтобы проверить пульс. Она вздрогнула, но не сопротивлялась.

– Как ты себя чувствуешь? – спросил Рамсон с притворной обеспокоенностью. Он положил ладони на ее ледяные щеки. – Можешь говорить?

Она приоткрыла потрескавшиеся синеватые губы.

– Д-да.

– Голова кружится? Клонит в сон?

– Н-нет.

Это была явная ложь, но она упрямо вздернула подбородок и смерила его таким неприимым взглядом, что Рамсон не мог не восхититься твердостью ее характера.

– Нам нужно до заката найти укрытие, – Рамсон оглядел верхушки деревьев, над которыми нависало солнце, скрытое пеленой серых туч и тумана. – Откуда ты? Как добралась сюда?

– П-пешком.

От одного этого слова сердце его почти запело. Это означало, что рядом должно быть укрытие. Он правильно поступил, вернувшись за ней.

– Откуда? Рядом есть город?

Она потрясла головой.

– Изб-ба. Я там живу.

– Далеко?

Она содрогнулась всем телом, и он прижал ее ближе.

От мокрой одежды создавалось ощущение, будто к коже прикладывали мешок со льдом, но Рамсон знал, что тепло его тела должно помочь ей. Когда она отвечала, из ее губ вырвалось облачко пара.

– Два часа.

Рамсон посмотрел на затянутое туманом солнце, которое уже опасно приблизилось к кромке деревьев. Впервые за все это время у него появилась надежда. Он встал, поправил промерзшую одежду и немного размял мышцы. Судороги он еще ощущал – хороший знак.

– Можешь идти, дорогая?

Ведьма начала подниматься, вставать на ноги и чуть снова не рухнула. Рамсон поймал ее за локоть, прежде чем она успела упасть.

– Я держу.

Втереться к ней в доверие, добраться до укрытия. Он посадил ее на спину, тут же почувствовав ледяную твердость ее плаща.

– Обними меня за шею. Чем больше соприкасается наша кожа, тем меньше шансов, что у тебя будет переохлаждение.

Она подчинилась, и он перераспределил вес, поднимая ее повыше. От мышечного напряжения у него разогналась кровь. Это хорошо.

Рамсон сжал зубы. Переставляя ноги, одну за другой, он начал двигаться. На него давило безмолвие белоснежного пейзажа, прерываемое лишь хрустом снега у него под ногами и периодическим треском веток, пока он продолжал углубляться в лес. Неровным голосом, дрожа от холода, ведьма давала указания куда идти.

Вскоре они оказались в чаще леса, в окружении множества высоких северных сосен и сибирских лиственниц, отбрасывавших на них свои тени. Тишина пронзала воздух. Казалось, что лес живой и наблюдает. Холод постепенно пробирался к Рамсону под одежду, под кожу, сковывал кости.

Ведьма замолкла и не шевелилась. Несколько раз ему пришлось растрясти ее, чтобы она оставалась в сознании.

– Поговори со мной, дорогая, – сказал он наконец. – Если ты сейчас заснешь, ты никогда не проснешься.

Он почувствовал, как она встрепенулась в ответ на его слова.

– Как тебя зовут?

– Ана, – выпалила она подозрительно поспешно.

Очередная ложь, но Рамсон лишь серьезно кивнул.

– Ана. Я Рамсон, хотя ты уже и так знаешь. Откуда ты, Ана?

– Добрск.

Он усмехнулся.

– Какая ты разговорчивая.

Он знал городишко Добрск – крошечная, незначительная точка на карте в южной части Кирилии. И все же – несмотря на все усилия скрыть это – в ее речи слышались отзвуки северного акцента, а манера говорить немного напоминала манеру кирилийской знати.

– Чем ты занималась в Добрске?

Он почувствовал, как она напряглась, и вдруг пожалел, что задал этот вопрос. Ему показалось, что ее полусамерзшее и полусознательное состояние было неплохой возможностью разузнать побольше информации. Выпытать ее секреты, а потом шантажировать ее. Во-первых, она была аффиниткой. Но пока это была единственная зацепка. Безусловно, такая могущественная сила родства, как у нее, гарантировала бы ей место в императорских патрулях.

Шестеренки в его мозгу вращались, и он вспомнил ее приказывающий тон, ее осуждающий взгляд, когда он впервые заговорил с ней, наклон ее острого подбородка. Ее, без сомнения, воспитывали в благородной среде – возможно, она скрывала свою силу, чтобы обезопа-

сить себя. В Кирилии подобное было частой практикой: как только у ребенка проявлялась сила родства, ее начинали прятать или подавлять. Это было доступно богачам, наделенным властью и разнообразными привилегиями. Бедняки же, подумал Рамсон, не могли себе позволить никакой защиты.

Аффиниты, у которых не было средств подкупить представителей власти, были вынуждены регистрироваться, и сведения об их силе родства указывались в удостоверении личности. Как граждане империи, они имели право искать работу – но штамп в документах ставил на них клеймо иных, отличающихся от большинства, существ, от которых стоит держаться подальше и даже бояться.

Кирилия придумала способ контролировать этих людей с их данным богами даром с помощью черного камня и божевосха. Когда в Кирилию потянулись иммигранты из других государств, желающие попытаться счастья в богатейшей империи мира, торговцы тут же воспользовались шансом наживиться на них.

Так появились брокеры. Они стали заманивать ищущих работу иностранцев в Кирилию лживыми обещаниями лучших условий труда и большего заработка, чтобы потом вынудить их подписать невыгодный для них договор и запереть в далекой империи, поймав в ловушку. Со временем торговля аффинитами набирала обороты, оставаясь при этом в тени закона.

Благородная или нет, девушка была аффинитом в бегах. И Рамсону не хотелось ввязываться в подобную историю.

Проще было закрыть глаза на этот факт.

В любом случае ей было что скрывать. Если Рамсон и обладал каким-то талантом, это была способность выведывать секреты, не важно, как глубоко они были запрятаны.

Она продолжала упрямо молчать, и Рамсон решил задать относительно безобидный вопрос:

– Это правда, что солнечное вино вкуснее на юге?

Дальше они продолжали в том же духе: Рамсон без остановки говорил и вытягивал из девушки ответы из одного-двух слов. Несмотря на болтовню, он чувствовал, как немеют руки и ноги и как растет усталость в мышцах. Вокруг постепенно темнело, и ему приходилось напрягать глаза, чтобы понять, где деревья, а где их тени.

Время, казалось, шло по кругу, и Рамсон стал сомневаться, не плутает ли он сам. Невыносимый холод сковал его мысли; он постоянно оглядывался через плечо, когда ему слышался то хруст ветки, то скрип снега. Опасности, подстерегавшие на просторах Кирилийской империи, отличались от тех, с которыми он имел дело дома; он слышал о духах льда – сивинциях, – что возникали из снега, а потом, годы спустя, пропавших путников находили в скованной мерзлотой земле. Ледоволки появлялись из ниоткуда и охотились в стаях. Рамсон никогда не путешествовал без *огнешара*, ровный свет которого по ночам отпугивал обитателей северной тайги. Сейчас же казалось, что тьма наступает.

Рамсон остановился. В ушах звенел пульс... и что-то еще. Он прислушался. Ему не хватало успокаивающей теплоты огнешара: обычно он лежал в его ладонях и освещал путь. Темнота же породила темные мысли.

И вдруг он услышал: *хрусть-хрусть-хрусть* – ломались ветки, шумел подлесок в нескольких десятках шагов позади.

Кто-то или что-то преследовало их.

Рамсона обуял страх. Он спрятался за ближайшим деревом и, удобнее перехватив ведьму на спине, застыл и попытался прислушаться, чтобы различить хоть что-нибудь, помимо стука собственного сердца.

Вот оно. Треск приближался, будто нечто огромное двигалось через лес. Затаив дыхание, он решился выглянуть из-за дерева и почувствовал, что его ноги подгибаются.

Громадная темная фигура, пошатываясь, проходила мимо, так близко, что Рамсон почувствовал затхлый запах влажной шерсти. Существо остановилось, пригнулось. Раздался хриплый рык. Когда оно повернуло голову, чтобы осмотреться по сторонам, сердце Рамсона ушло в пятки. Он различил массивную тушу, бледную морду и блестящие белые глаза. Лунный медведь. Грозный хищник северной империи: рассказы о нем передавались охотниками шепотом, каждый из них молился, чтобы не встретиться со зверем.

Рамсон почувствовал, как тело ведьмы начинает сползать со спины. Ему в голову пришла мысль – такая мерзкая, что стало стыдно. Но это не помешало обдумать ее получше. Если он бросит девушку на растерзание медведю и побежит, возможно, он спасется. Она уже была без сознания. И если они в ближайшее время не доберутся до теплого места, шансы на то, что она очнется, предельно малы. Он чуть не издал что-то среднее между смехом и всхлипом, когда неизбежно вспомнил известную кирилийскую шутку. Он буквально оказался между Медведем и Дураком.

Лунный медведь вскинул косматую голову. Его огромная фигура замерла. Зверь наострил уши.

И повернулся к ним.

Рамсон увидел мертвенно-бледный блеск его глаз и острых как лезвие клыков. Невзирая на дрожь в ногах, он принял оборонительную стойку. В свободной руке у него появился кинжал.

Не было ни одного дьявольского шанса, что он, замерзший, скованный судорогами, с девушкой без сознания за плечами, победит в этой схватке. Но несмотря на жизни, которые разрушил, на зло, что сотворил, Рамсон знал, что он не был бы собой, если бы не попытался.

В дюжине шагов внезапно раздался шорох кустарника, как будто на них набрело напуганное животное. Рамсон застыл на месте.

Внимание лунного медведя переключилось. Его огромная, больше, чем человеческое туловище, голова медленно повернулась.

Кусты снова зашевелились. Что-то пулей вылетело оттуда и бросилось бежать в противоположном от них направлении. Рамсон слышал, как оно ломает ветки деревьев и кустов на пути.

Лунный медведь издал утробный рык. Его гигантская туша развернулась, и он, не оборачиваясь, устремился в сторону звука.

Рамсон дождался, пока треск и рык стихли, и только тогда позволил себе выдохнуть. Он привалился к дереву, перекладывая вес аффинитки на плечи. Наступала ночь, а их укрытия нигде не было видно.

За спиной раздался хруст ветки. Рамсон повернулся, сильнее сжимая кинжал. И взгляделся.

У дерева на фоне снега и лунного света вырисовывался силуэт. Нет, не силуэт – ребенок. Девочка подняла руку и жестом пригласила следовать за ней.

Рамсон пошел. Если ему предстоит драться, уж лучше с ребенком, который едва достаёт ему до пояса, чем с лунным медведем.

Казалось, они шли целую вечность. Усталость становилась все более невыносимой, и Рамсон заметил, что он все чаще и чаще спотыкается. Девочка брела меж теней как лесной дух.

Еще несколько десятков шагов. Снег серебрился, на его фоне четко вырисовывались деревья. Свет, – догадался Рамсон. Свет, исходящий откуда-то неподалеку.

Постепенно лес расступился, и показалась опушка с деревянной избой. Горящий в одном из окон свет лился на ровный снег. У Рамсона чуть не подогнулись колени от прилива счастья.

Поспешив вперед, девочка открыла тонкую деревянную дверь и вошла в дом.

В очаге потрескивал огонь. Тепло окутало Рамсона, как объятия матери. Он застонал, уложил ведьму рядом с огнем и стал стягивать с себя ледяную одежду. Пальцы соскальзывали

с пуговиц, и ему едва хватило сил снять рубаху. Полураздевшись, он сполз на пол, впитывая в себя тепло сухого дерева.

Ему хотелось больше никогда не вставать, не напрягать хоть один мускул. Но через некоторое время он услышал шуршание и шаги легких маленьких ножек. Рамсон открыл один глаз.

Девочка сидела, согнувшись над ведьмой. Ее руки порхали над телом аффинитки, как две беспокойные птички. Он оглядел ее волосы, мягко спадавшие на плечи, ее блестящие бирюзовые глаза – их цвет напомнил ему о теплых южных морях.

«Ребенок одного из Азеатских королевств», – подумал Рамсон, а внутри дрогнуло сочувствие. Он был примерно в ее возрасте – может, на пару лет старше, – когда впервые прибыл на кирилийские берега. Голодный, напуганный и безнадежно потерянный.

Но чем дольше он на нее смотрел, тем сильнее становилось дурное предчувствие, от которого бежали мурашки по коже. Будучи капитаном порта, одного из крупнейших торговых центров Кирилии, он мог предположить множество мрачных причин, почему ребенок из далекого королевства остался здесь один. Азеатский регион был известен тем, что множество эмигрантов отсюда искали работу в других государствах – особенно в безжалостной, зацикленной на торговле Кирилийской империи. Рамсон видел, как корабли-призраки причаливали к его пристани безлунными ночами, наблюдал за крадущимися в темноте фигурами – мужчины, женщины, дети.

Аффиниты становились призраками в этой империи: ни документов, ни дома. Не к кому обратиться за помощью. Их мольбы уносили волны в сиянии жестокой луны.

Рамсон тоже закрывал глаза на это.

Девочка прижала два пальца к шее ведьмы. На ее лице отражалось беспокойство.

Рамсон глубоко вдохнул.

– Она жива?

Его голос походил на скрип.

Выражение нежной заботы тут же исчезло с лица девочки, как будто кто-то резко захлопнул книгу. Она смерила его таким же взглядом, которым на него смотрела ведьма, и поджала губы.

Рамсон попытался снова:

– Кто ты? Как ты нас нашла?

Ее глаза превратились в щелки. Рамсон не мог понять, как этой малютке удавалось выглядеть яростнее ведьмы.

– Кто ты такой? – ответила она вопросом на вопрос.

– Я друг.

– Ты лжешь. У нас с Аной нет друзей. Но ничего страшного, – уверенно добавила она. – Если ты злой, я тебя убью.

Рамсон вздохнул. Почему ему сегодня так везло на кровожадных дев?

– Смотри, – сказал он. – Она дрожит. Это хороший знак. Нам нужно медленно ее отогреть.

Он осмотрел помещение. У дальней стены стояли нары, с краю которых были сложены одеяла. Напротив располагался очаг – его веселый треск разлетался по маленькой комнате. У двери находился старый деревянный стол, заваленный пергаментами и перьями.

– Принеси одеяла и сухую одежду. И давай переместим ее ближе к огню. Я думаю, она в полусне. Нагрей воды.

Девочка несколько секунд смотрела на него оценивающим взглядом кошки, которая решала, доверять ему или нападать. В конце концов она выбрала первый вариант и побрела к двери в банную комнату в задней части избы.

Значит, ему оставалось лишь... одно.

Со стоном Рамсон встал на колени, потом на ноги. Он наклонился и, рискуя надорвать спину, поднял ведьму на руки. Его потряхивало, пока несколькими шагами он пересекал комнату. Локтем он толкнул дверь в маленькую комнатушку. Внутри горела одинокая свеча, освещающая мокрую деревянную лохань.

Рамсон осторожно опустил девушку внутрь. Когда он отпускал ее, она начала дрожать и прошептала что-то. Нахмурившись, он убрал темную прядь с ее лица, разглядывая острые линии скул и полные, четко очерченные губы. Она была похожа на смуглых жителей южной Кирилии, обитавших в горах Дживеха на границе с королевством Нандьян. Их было относительно немного по сравнению с бледнокожими кирилийцами, в руках которых сосредоточивались власть и привилегии на всей территории империи.

И... у него появилось очень странное чувство... будто он ее уже где-то видел.

Он тряхнул головой. Это холод на него так действует.

Он оставил ведьму наедине с азеатской девочкой и пятью ведрами теплой воды. Прислонившись к закрытой двери, Рамсон слушал тишину, прерываемую плеском. Подобно водоворотам, в его голове крутились мысли.

Почему он спас ее от лунного медведя, хотя она замерзла до полусмерти и была бесполезным грузом? Рамсон Острослов, которого он знал – которого остерегался весь криминальный мир, – держал при себе только сильных и нужных людей. От слабых же быстро избавлялся или приносил в жертву, необходимую в каком-нибудь деле. Но в темноте и одиночестве кирилийского леса холод изменил его, лишил хладнокровной расчетливости и остались лишь инстинкты, которые его создавали.

Он зажмурил глаза. Рамсон считал, что семь лет назад ему удалось заглушить в себе эту искру доброты. Он тогда поклялся, что больше никогда не будет одним из слабых, никогда не будет отдавать больше, чем взял.

Он сделал глубокий вдох. Открыл глаза. Снова увидел комнату, четко и ясно.

До сих пор он помогал ведьме. Он отдавал. Теперь ей придется вернуть долг.

4

Дважды в жизни Ана чуть не утонула. Первый раз это произошло десять лет назад в разгар зимы. Снег покрыл землю блестящим белым покрывалом, играющим рубиново-красными, изумрудно-зелеными и сапфирово-голубыми огнями Зимней ярмарки Сальскова. Похожие на крошечных ледяных духов, елочные украшения мерцали золотом и серебром, когда мимо них проходила королевская семья, участвовавшая в ежегодном городском параде. Его устраивали, приветствуя бога-покровителя. Звенели бубны, играла музыка, люди кружились в танце в облаках белой кисеи и серебряных лент.

Всеобщая суматоха, как ни странно, облегчила головную боль, которая не давала Ане встать с постели последние несколько дней. Она держала за руку Луку: они были в предвкушении того, что вот-вот карета остановится, и они будут гулять по похожему на сказку городу. А люди их империи станут выкрикивать их имена, окружать вниманием и осыпать подарками.

Но как только открылись двери кареты и внутрь ворвался запах жареного мяса, сдобренных специями овощей и запеченной рыбы, на Ану накатила приступ тошноты. За внешним шумом толпы, меж разноцветных декораций, мехов и драгоценностей, накрученных вокруг шей, среди ароматов и взглядов чувствовалось какое-то движение. Оно отдавало эхом у нее в голове, сдавливало виски.

Она отчетливо запомнила котелок со свекольным супом, густым, бурлящим и ослепительно-красным.

И вдруг копившаяся у нее внутри энергия взорвалась, мир заволокло багряной пеленой, в венах закипела кровь. Горячий, пульсирующий ток крови проник в ее сознание, заглушая все остальное.

В памяти сохранились лишь последствия. Изувеченные тела на брусчатке перед их каретой; красные, как цветущие маки, пятна на бесцветном снежном холсте.

В тот день Ана убила восьмерых.

Дворцовый алхимик, странный и тихий лысый мужчина со слишком большими глазами, в тот же вечер поставил ей диагноз. Она помнила холодный блеск его серебряного божекруга, когда он поднял дрожащую ладонь и прошептал на ухо императору.

«Аффинитка», – сказал он папе. Кровавая аффинитка. Папа склонил голову, и мир Аны перевернулся. Стоя в своей комнате, в окне напротив она увидела свое отражение. После ярмарки на лице остались следы крови и слез, волосы склеились от пота и спадали на глаза – чудовищные красные глаза. В руках чувствовалась тяжесть, а кожа туго натянулась из-за разбухших, выступающих вен.

В тот день Ана посмотрела в зеркало и увидела монстра.

После этого она попыталась сбежать. Мимо служанок, начинавших кричать при виде ее, мимо стражников, терявшихся и не знавших, что делать. Она не имела представления, куда держит путь, знала одно – нужно выбраться отсюда, подальше от дворца, подальше от мамы, папы и мамки Морганьи, чтобы обезопасить их.

Сквозь пелену слез стал вырисовываться мост Катерьянны. Статуи богов смотрели на нее, как живые стражи. Мост был назван в честь мамы, и Ана видела его каждый день из окон своих покоев. Мост был перекинут через реку Хвост Тигра, которая огибала дворцом.

Это был знак, ни что иное.

По щекам Аны текли слезы, она подняла взгляд на небо. – «Я люблю тебя, мама, – подумала она. Отнеси меня туда, где я буду в безопасности».

Ана вскарабкалась на каменное ограждение моста и бросилась в реку.

Как только она погрузилась в воду, холод сковал ее кости. Течение беспощадно тянуло ее вглубь. В тот же миг она поняла, что глупо было надеяться, что река унесет ее в прекрасную

страну, где она начнет все сначала. Вода пенилась вокруг, била – все это рождало совершенно новое чувство страха, неуправляемого и буйного. Поддавшись инстинкту, она открыла рот, чтобы закричать, но внутрь ворвалась вода, вытесняя из легких воздух.

Паника ослепила ее, перед глазами расплывались пятна, но Ана боролась с водой.

Она не хотела умирать. Но, быть может, боги хотели ее забрать в тот день.

Что-то обхватило ее талию с силой, непохожей на ту, что давила ей на грудь и окутывала холодом легкие. Мир превратился в водоворот ледяных потоков и безмолвного хаоса, но Ана поняла, что она больше не во власти течения. Ее тянуло вверх, к свету.

Она вынырнула на поверхность и стала жадно глотать сладостный воздух. Ее ноги и руки безвольно болтались в стремительном потоке, но чья-то твердая рука обхватила грудную клетку – кто-то, продолжая держать ее, быстро и умело греб к берегу.

Ее спаситель с трудом выбрался на сушу и наконец опустил ее на скованную льдом землю, простирившуюся на километры вдаль.

У Аны кровь застыла в жилах, когда она осознала, что смотрит в глаза брату. В них горел огонь ярости. Привычное веселое выражение исчезло с лица Луки – Ана поняла, что видит перед собой принца, будущего императора Луку Александровича Михайлова.

Брат тяжело дышал, пряди его волос приклеились ко лбу и свернулись завитками на затылке. Вырывавшийся из его губ воздух превращался в белесый пар.

– Малая, – сердито прорычал он и ударил кулаком по замерзшей земле так сильно, что лед треснул. – Какого черта ты творишь?

Его слова хлестнули Ану сильнее, чем удар кнута, и она поморщилась. Ее брат – добрый, мягкий Лука – ни разу на нее так не кричал.

Она вспомнила о восьми трупах, лежащих в лужах крови посреди Винтрмахта, и потушила взгляд.

– Я монстр, – пролепетала она непослушными губами.

Лука склонился над ней, опершись на локти. Его плечи дрожали, и когда он поднял на нее глаза, в них стояли слезы. Он вдруг заключил ее в объятия и крепко прижал к себе.

– Никогда больше не пугай меня так. Ты могла погибнуть.

В стихшем водовороте ее мыслей осталась лишь одна: Лука испугался из-за того, что она чуть не умерла. Он не... не хотел, чтобы она умирала.

– Прости меня, – в ее резком голосе слышался надрыв. – Я... Винтрмахт...

– Ш-ш-ш, – прошептал Лука, покачивая ее. – Это не твоя вина.

Это не твоя вина.

И тут Ана перестала себя сдерживать, дала волю потоку горя, чувству вины и беспомощности. На некоторое время его объятия стали для нее единственным прибежищем и спасением.

Когда он отпустил ее, его глаза – у Аны их цвет всегда вызывал ассоциации с травой, появлявшейся в дворцовых садах весной, – смотрели жестче, в них читалась решительность, горело пламя. Он обхватил ее лицо ладонями:

– Ты не монстр, сестричка.

Блеск серебряного божекруга алхимика. Склоненная голова папы.

Ответ вертелся у нее на языке. Аффинитка. Шепот алхимика. Кровавая аффинитка.

– Моя сила родства...

– Сила родства не определяет, кто ты есть, – он смотрел ей в глаза, его слова звенели, как металл, бьющийся о камень. – Что делает тебя тобой – это то, как ты выбираешь ее использовать. Нужно, чтобы кто-то научил тебя ее контролировать.

Ей нравилось, как он говорил: ты не монстр; нужно, чтобы кто-то научил тебя ее контролировать. Будто это была неоспоримая истина. Будто он верил в свои слова, и она тоже начинала в них верить.

– Как Юрий? – спросила Ана, вспоминая своего друга, огненного аффинита.

Он был на несколько лет старше ее и работал на дворцовой кухне учеником главного повара. Его сила родства делала его незаменимым.

– Точно. Как Юрий.

Лука поднялся на ноги и помог встать Ане. Они были на берегу реки прямо у стен дворца. Заброшенный участок земли. Течение отнесло их на задворки дворца Сальскова. За рекой стояли в ряд припорошенные снегом сосны – начиналась северная тайга.

Лука взял Ану за руку и повел ее в противоположную от моста сторону.

– Что нам теперь делать?

При мысли о возвращении во дворец Ану охватил страх. Ей придется встретиться с отцом и признаться в том, что она натворила.

Но брат лишь крепче сжал ее руку, поднес ее к губам и поцеловал запачканные кровью ногти. Его брови были нахмурены, а в глазах отражались бушующий шторм и нежность.

– Вернемся через тайный ход, который показал мне Марков. В своих покоях приведешь себя в порядок. Никто не знает правду о Винтрмахте, она затерялась в толпе и общем замешательстве. Никому и не следует знать.

Его губы сложились в тонкую линию, и он слегка приподнял подбородок, принимая хорошо ей известный упрямый вид.

– Я поговорю с папой. Скажу, что тебе нужен учитель, как у аффинитов, которые работают во дворце, чтобы отточить навыки использования силы.

И все-таки тем вечером папа зашел к ней в покои, хмурясь. Он обычно приходил с мамой, и они вместе укладывали ее спать. Но в этот раз он один стоял у изножья кровати, и между ними будто пролегал океан.

Спокойно он объяснил Ане, что ей придется не покидать стены дворца некоторое время. По крайней мере, пока ее «недуг» не пройдет. Официальной версией будет болезнь принцессы, чье хрупкое здоровье не позволяет ей выходить наружу.

Ана упала на колени, протягивая к нему руки, но он не сдвинулся с места, его лицо казалось высеченным из льда. Это разбивало ей сердце.

– Прошу, – шептала Ана. – Этого больше не повторится. Я больше никогда не использую... силу родства. Я буду твоей послушной дочерью.

Взгляд отца помутнел.

– Это... неприемлемо для тебя – быть аффинитом, – сказал он. – А принимая в расчет твой особый вид силы... Люди не должны знать, этой отметки не должно быть в твоих документах. Мы примем меры, чтобы вылечить тебя от этого недуга... для твоего же блага.

Ана ухватила за этот тонкий лучик надежды. Возможно, если она излечится, папа снова будет ее любить.

Не прошло и месяца, как отец нанял для нее учителя, чтобы тот «вылечил» Ану от ее силы родства. Консультант императора Садов – так его звали. Когда Ана впервые его увидела, тут же поняла, что он соткан из кошмаров. Он, казалось, родился из тени: тщедушная высокая фигура, с волосами и глазами темными, как черный камень, и с длинными, неестественно белыми ногтями. Его методика лечения основывалась на теории, что страх и яд помогут вытравить из Аны силу родства.

И с тех пор Ана стала обительницей тайных уголков и глубоких подземелий дворца, где черный камень высасывал из воздуха весь свет и тепло, а тьма смотрела на нее, будто была живым существом.

– Сила большинства аффинитов проявляется постепенно, их родство с теми или иными элементами растет, – говорил Садов своим холодным и мягким, как шелк, голосом. – Но твоя взорвалась, не поддаваясь никакому контролю. Знаешь, почему так произошло?

Ану трясло.

– Почему, консультант императора?

– Потому что ты управляешь кровью, – он поднес палец к ее подбородку, и Ане понадобилась вся имеющаяся у нее сила воли, чтобы не отпрянуть. – Потому что ты монстр.

В то время заболела мама. Спустя год после происшествия на Зимней ярмарке она умерла. Среди придворных ходили разговоры, что зря император взял в жены представительницу южных народов Кирилии: из-за смуглой кожи и темных волос ее всегда считали иной.

И это унаследовали ее дети. Слышались приглушенные перешептывания, что принц и принцесса выглядели как настоящие южане, что они выделялись на фоне бледных, светловолосых северян, которые составляли подавляющую часть правящей элиты Кирилии. После смерти мамы и вынужденного заточения Аны слухи еще больше расплозились.

Люди, казалось, боялись тех, кто от них отличался.

И все же сказанные братом в тот ужасный день слова оставались с Аной долгие годы: в одиночестве и тьме, в моменты самых жестоких пыток Садова, несмотря на безразличие и холодность папы.

Твоя сила родства не определяет, кто ты есть.

Горький привкус божевосха, обжигающий горло и выворачивающий желудок.

Что делает тебя тобой – это то, как ты выбираешь ее использовать.

Вызывающий тошноту страх, холодное прикосновение черного камня, пульсация крови в тушках маленьких кроликов, которых Садов использовал для проверки ее способностей. Которые за десять лет так и не ослабели.

Ты не монстр, сестричка.

Она так отчаянно хотела в это верить.

Быть может, боги все-таки хотели, чтобы она жила – а если не боги, то сама Ана.

Именно за эту мысль она держалась, полузамерзшая, полуживая, когда течение реки Гоуст Фолз несло ее. Это и воспоминания о брате, подобно негасимому, непоколебимому огоньку в ее сердце, указывали ей путь на поверхность.

Потому что у нее была причина жить, осознала Ана, выбираясь из объятий сна и переходя в стадию смутного бодрствования. Упрямо, своевольно, сквозь мрак и холод, ее мысли отыскивали путь на поверхность, как в тот день, когда она нашла выход из ледяных глубин реки.

Да, у нее была причина жить. И эта причина – найти убийцу папы.

Второй раз Ана чуть не утонула в свете костяной луны – непохожей на ту, что светила над северной тайгой сегодняшней ночью. В лучах той луны мир стал черно-белым. На исходе одиннадцатого месяца зимняя ночь нарядилась в ризу смерти. Ана вошла в покои отца и увидела, как он бьется в конвульсиях. Его лицо было бесцветным, глаза закатывались, а в венах бурлила кровь с ядом, издавая странный звук, похожий на плеск волн в реке. Она увидела его убийцу, облаченного в белые молитвенные одежды. Склонившись над ее папой, он закупоривал пузырьки с ядом.

За секунду, прежде чем он пустился бежать, Ана увидела его лицо – странное, но в то же время знакомое, мертвенно-бледное, с глазами навывкате – и лысую голову. В лунном свете его божекруг блеснул, как коса. Дворцовый алхимик.

Алхимик. Убийца. Предатель.

Он был виной тому, что Ану арестовали в ту ночь. Он сбежал, а ее нашли позже, она прижималась к телу отца, покрытая его кровью – отравленной кровью, которую она пыталась очистить, чтобы спасти ему жизнь. Но под конец она потеряла контроль над своими силами, и папа все равно умер прямо у нее на глазах.

И лучше бы она тоже умерла. Ее обвинили в убийстве императора и в измене короне. В тот день, свернувшись у холодных прутьев камеры в дворцовом подземелье, с пятнами отцовской крови на руках, она больше всего хотела перестать существовать.

Потому что ты монстр.

И вновь в ту ночь, по велению судьбы, или богов, или иного ухищренного диктатора, что управляет жизнями людей, ее освободили. Она проснулась от звона ключей и скрежета открывающейся двери. В темноте показалось волевое лицо с серыми, как тучи, глазами, обрамленное волосами, в которых проглядывала проседь.

– Я был с тобой с самого рождения. Так что не проси меня просто стоять и смотреть, как ты умираешь, – сказал ей Марков.

– Это не я, я не виновата, – бормотала она, хватаясь за него и опускаясь на колени.

Лицо Маркова смягчилось.

– Я верю тебе. Убегай через туннель, принцесса. Я скажу им, что ты сбежала, пока я вел тебя в камеру, и утонула в Хвосте Тигра.

Огрубевшими большими пальцами он смахнул слезы с ее глаз.

– Убегай и живи.

Живи. Это казалось невыполнимой задачей.

Но Ана закрыла глаза, и перед ней вновь предстало это лицо: мертвенно-бледное, с совиными глазами. Алхимик, который не появлялся во дворце, после того как поставил ей диагноз. Снова увидев его, призрака из прошлого, она почувствовала себя как в кошмарном сне.

Но этот призрак наполнил смыслом ее жизнь. Именно из-за алхимика она убежала из подземелий через тайный ход и во второй раз бросилась в Хвост Тигра. Именно из-за него она выбралась на берег в чаще северной тайги, замерзшая и омертвевшая. Она желала, чтобы боги забрали ее. Но снова из-за него она поднялась на ноги в ту ночь, посмотрела на дворец и мост Катерьянны, видневшиеся вдалеке, и поклялась, что она вернется только после того, как отыщет его.

Да, у нее все еще была причина жить, поняла Ана, и ее мысли обрели ясность. Она жила, чтобы найти убийцу отца, человека, который поставил на ней клеймо дьявольского недуга и поломал следующие десять лет ее жизни. Она жила, чтобы очистить свое имя, чтобы доказать, что, несмотря на чудовищную природу ее силы, она не монстр.

«Я найду тебя, Алхимик», – повторяла про себя Ана снова и снова, как мантру. «Я найду тебя».

5

Ана резко распахнула глаза – образ лица, которое она видела во сне, начал растворяться. Ей понадобилось некоторое время, чтобы понять, где она находится. Треск огня, догоравшего в очаге, прогорклый запах старых деревянных полов и шершавый бок подушки из грубой ткани под щекой.

О прошлом вечере у нее сохранились лишь отрывочные воспоминания: холод, темнота, запах и серебряный блеск снега, теплая вода. Она справилась. Она добралась до избы.

Ана сжала одеяло из свалывшейся шерсти – внутри нее все перевернулось от удивления. Как ей удалось вернуться? Она помнила падение в реку, чувство абсолютной беспомощности под ударами течения. Помнила, как взбиралась на пустой замерзший берег. Ее одежда была покрыта льдом, и она едва могла двигаться.

Можешь идти, дорогая?

Ана моргнула. Голос доносился из ниоткуда, из туманного, далекого уголка ее памяти. Там был лес, крупица теплоты и этот бесконечно раздражающий голос, который вытаскивал ее из уютного забытья.

Аной овладел страх. Она распознала признаки переохлаждения и поняла, как близка была к смерти. Уютная тьма была угрозой... и голос ее спас.

«Рамсон Острослов», – подумала Ана, а ее заспанное сознание прояснилось, пока она осматривалась вокруг. С тех пор как она ушла, ничего не изменилось. Ее заплечный мешок стоял у стены, а вещи были разложены на маленьком столе. Никаких изменений, никаких признаков присутствия незваных гостей.

Ана вздохнула и села в кровати. Кто-то смыл кровь с ее руки, но рана все еще была свежей и болела. Теперь она вспомнила девочку с темными волосами, черты ее лица, нечеткие в свете свечей, образующем вокруг нее ореол.

– Мэй? – тихо позвала Ана. Но никто не откликнулся. Она прислонилась спиной к стене, пытаясь унять беспокойство. Афериста тоже нигде не было видно. В теле еще ощущались следы божевосха, но Ана чувствовала, что сила родства начинает возвращаться, то появляясь, то исчезая. Призвать ее сейчас было подобно попытке поджечь сырой хворост.

Из-за двери в банную доносился плеск воды. Движения были слишком небрежными для Мэй. Ее подозрения подтвердил раздавшийся мужской кашель.

Аферист все еще был здесь.

Ана стиснула зубы, заглушая стон недовольства. Она потратила месяцы на поиск этого человека, возлагала на него все свои надежды – и даже больше. А он обманул ее и признал, что не знал абсолютно ничего об алхимике.

И теперь Ана не могла от него избавиться.

Дверь в избу распахнулась. Ее грустные мысли рассеялись, когда она увидела, как внутрь заходит ребенок, неся бадью снега. Как только Мэй увидела Ану, ее глаза широко раскрылись и она уронила свою ношу. Мэй забралась на кровать и прижалась к Ане.

В ее объятьях Ана облегченно вздохнула.

– Привет, – нежно прошептала она. Рядом с Мэй она всегда чувствовала себя как дома.

В ночь, когда Ана бежала в тайгу, в северном лесу была абсолютная тьма. Хотя в сердце девушки было еще темнее. Но Мэй нашла ее и, освещая путь мягким светом огнешара, отвела в укрытие. В то время Мэй была связана контрактом, но это не помешало ей спасти Ану и ничего не сказать своему работодателю.

Мэй выпрямилась и окинула Ану жестким взглядом. Ее глаза аквамаринового цвета напоминали Ане воды океана, омывавшего Азеатские острова, которые она однажды видела

на залитой солнцем и теплом картине. Ана и Мэй соприкоснулись лбами, на их лицах играла улыбка.

– Ты уже поймала своего алхимика? – осведомилась Мэй.

Одиннадцать лун назад, когда они впервые встретились, девочка вела себя намного скромнее, а говорила легким, как шорох перышка, шепотом. И только по ее беспокойным глазам было понятно, что она сполна хлебнула горя, пропустила его через свое сердце и вернула в мир в виде доброты, какой Ана еще ни разу не видела.

– Почти.

При виде Мэй мысли Аны всегда становились яснее, а напряжение спадало. Появлялось ощущение реальности происходящего.

– Ты тут одна нормально справлялась?

Мэй кивнула, и в ее руке появился медник.

– У меня осталось три монетки. Хочешь, я верну их тебе?

На меднике отражались блики огня, а в центре был выгравирован маленький листик.

Ана помедлила. Она знала, что эта мелочь значила для Мэй. Она всю жизнь собирала деньги, чтобы выкупить себя из кабалы договора, который ее заставили подписать. В прошлом Ана тратила дюжину медников на кусочек торта «Птичье молоко». Деньги утекали сквозь пальцы как вода, и она не задумывалась об их ценности.

Встреча с Мэй изменила ее взгляд на такие вещи.

Ана аккуратно закрыла ладошку Мэй, на которой лежала монетка.

– Мы вместе это заработали. Оставь у себя. А в следующем городе купим себе что-нибудь вкусненькое.

Мэй аккуратно опустила медник обратно в карман платья.

– Как думаешь, мы найдем ма-ма в следующем городе? – спросила она.

Ана молчала, внимательно изучая лицо Мэй. Но в полном надежды взгляде ребенка не проглядывало и тени сомнения. Ана никак не могла понять, как этой девочке удавалось так легко отдавать свою любовь после всего, что с ней было. Постепенно Ана собрала по крупинкам историю Мэй: долгое путешествие из королевства Чигон – ее дома в Азеатском регионе – вместе с матерью в поисках светлого будущего. Но эти мечты разбились на осколки, а ее мать увезли, потому что так диктовали условия подписанного ею договора.

Мэй обладала силой родства с землей, из-за которой ее нещадно эксплуатировали, а тем временем ее долг рос.

И с каждым днем в голове Аны все чаще мелькала мысль: я могла бы быть на ее месте.

– Обязательно, – ответила Ана. – Мы найдем твою ма-ма, даже если мне придется постучать во все двери, что есть в этой империи.

Губы Мэй расплылись в улыбке, и она обняла Ану, пряча лицо в складках ее рубашки.

– Ты же больше не уйдешь, правда?

Ее голос звучал приглушенно, и когда Ана опустила взгляд, то увидела яркие глаза-океаны, робко взирающие на нее.

– Не ходи туда, куда я не могу пойти за тобой.

К горлу Аны подступил ком. Она знала, что такое потерять мать, когда ты еще совсем ребенок. Чувство, что ты сделал что-то не так, что тебя снова могут покинуть люди, которых ты любишь, никогда не оставляло ее.

Поэтому она сжала Мэй в объятьях и прошептала:

– Я всегда буду с тобой.

Плеск воды, доносящийся из банной, отвлек их внимание.

Глаза Мэй сузились.

– Этот странный человек принес тебя домой, и раз он вроде как спас тебе жизнь, я разрешила ему помыться в теплой воде, прежде чем он уйдет, – сказала она.

Ана почувствовала, что уголки ее губ невольно ползут вверх.

– Умница, – заговорщически подмигнула она.

– Он очень плохо пах. И был грязным.

– Я знаю, – ответила Ана. – Он отвратительный, и тупой, и страшный.

Это звучало по-детски, но Ане стало легче.

Затем дверь в банную распахнулась.

В ту же секунду Ана взметнулась с кровати и спрятала Мэй за спину. От резких движений рана на ее руке разболелась, но все внимание Аны было сосредоточено на Рамсоне Острослове.

Он побрился и смыл черноту с лица. Теперь Ана увидела, что он был намного моложе, чем она думала: возможно, на пару лет старше ее. Его взъерошенные песочные волосы спадали завитками на лоб, а по острым скулам стекали капельки воды. По сравнению с мерзким, неопрятным существом, которым он был ранее, сейчас Рамсон казался просто красавцем – его смазливое плутовское лицо было больше под стать брегонскому моряку или солдату из имперского патруля Кирилии. Но никак не таинственному подпольному преступнику.

Острослов улыбнулся Мэй. Ане показалось, что у него есть клыки.

– Привет, крошка.

– Не смей говорить с ней, – гаркнула Ана. Она повернулась и быстро проговорила: – Мэй, пожалуйста, сходи искупайся.

Девочка взяла бадью со снегом и проскользнула в банную. Прежде чем захлопнуть дверь, она развернулась, смерила Рамсона взглядом и провела указательным пальцем по шее. Дверь со щелчком закрылась, и сердце Аны успокоилось.

Ана сосредоточилась на Острослове.

У него появились синяки. На запястьях, где заканчивались рукава его рубахи, расплзлись насыщенно-красные пятна – там лопнули кровеносные сосуды. От чувства вины у Аны засосало под ложечкой, но она не поддавалась этому ощущению. Он не раздумывая использовал ее и предал. Такие люди не достойны сожалений.

Губы Острослова сложились в улыбку, хитрую, но очаровательную.

– Что ж, Ана, милая, – сказал он, и у нее внутри все похолодело. – Что мы имеем? Ты хотела моей помощи, а я просил тебя помочь мне выбраться из Гоуст Фолз. Наши желания исполнились. Вот бы каждый день так.

– Я выполнила свою часть сделки, – сказала она в ответ. – Теперь твоя очередь.

Она удержала порыв напомнить ему о своей силе родства и доказать, что она может заставить его страдать, если захочет. У нее до сих пор оставалась власть над ним. И ее план еще не... провалился.

– Мне все равно, знаешь ли ты, кто он или где он. Но ты сможешь мне найти алхимика и сделаешь это за две недели. Я достаточно слышана о твоей репутации, и знаю, на что ты способен.

Ему придется оправдать свою репутацию. Все нанятые ею охотники за головами и ищейки не смогли напасть на нужный след. Рамсон Острослов был ее последним шансом.

Но этого Ана ему не сказала.

Острослов вскинул брови.

– Ты достаточно слышана о моей репутации, – повторил он, наслаждаясь звучанием этих слов. Он выглядел довольным, но тут его глаза сузились. – И почему ты думаешь, что я буду тебе помогать? Теперь я свободен, как птица.

Коварный, подлый аферист. Что ж, если он хотел вести игру не по правилам, так тому и быть.

Ана могла бы ему угрожать. Эта мысль уже некоторое время не давала ей покоя: уродливая, извращенная идея, которую она не хотела бы воплотить.

Покажи ему, на что ты способна, мой маленький монстр.

– Помнишь, что я сделала в тюрьме?

Воспоминание о багровых лужах на белом мраморе промелькнуло в ее памяти. Ане было не по себе от этих образов, но она продолжила.

– То же самое я могу сделать и с тобой, – она подошла на шаг ближе. Ею двигало странное возбуждение, предвкушение опасности. – Можешь себе представить, каково это – умереть от потери крови, которая вытекает из твоего тела капля за каплей?

– Признаю, это, должно быть, больно, – он облизнул губы. – Но в жизни есть вещи и пострашнее. И какую бы ты пытку ни придумала, скорее всего, я уже проходил через нее раньше. Думаю, по этой причине меня сложно запугать.

Ана нервно вдохнула. Блеф – это не могло быть правдой. Он ждал, пока она догадается, что он лукавит. Он смотрел на нее с прищуром и ожидал реакции. Его глаза были хитрыми, живыми, в них читался ум... и это не были глаза труса. В них не было страха.

Но он еще научится ее бояться. Как и все научились.

Она продемонстрировала ему свою самую жестокую улыбку. Ее сила родства зашевелилась. Она все еще была слаба из-за божевосха, но уже восстанавливалась.

– Ох, сколько же людей пели эту же песню. А через минуту лежали, умоляя о пощаде, у моих ног.

– Кажется, у тебя есть некий опыт.

– Ты даже не знаешь, через что мне пришлось пройти. Спрашиваю в последний раз и надеюсь, что ради своего же блага ты дашь правильный ответ. Поможешь мне найти алхимика?

– Да.

Ана моргнула. Мрачные мысли, болезненные воспоминания и исходящее от силы родства напряжение – все вмиг рассеялось. Остался треск огня в очаге, плеск воды в банной и приглушенное пение ребенка.

– Ты удивлена, – Рамсон Острослов поднял брови.

Ана добилась, чего хотела, но почему же у нее было чувство, что он победил? Она скрестила руки на груди, а ее мозг бешено работал. Что она упустила?

– Я тебе не верю.

Чего ты добиваешься?

– Мудрое решение. В конце концов, я делец, – его взгляд стал жестче. – Я ничего не делаю просто так.

У Аны внутри закипала бурная белая злость.

– Просто так? Я помогла тебе бежать из тюрьмы. Я освободила тебя, а иначе ты бы сгнил в этой камере. За тобой долг.

– Я не просил тебя меня освободить. Я предложил сделку, но мы ни о чем не договаривались.

Острослов так ненавязчиво об этом говорил, будто они торговались за свеклу на рынке.

А на кону стояла жизнь Аны.

– Итак, я тебе ничего не должен, ведьма, – продолжил он, выковыривая грязь из-под ногтя. – Но у меня есть к тебе деловое предложение.

Голос Аны напоминал рычание.

– Ты думаешь, ты в том положении, чтобы что-то предлагать?

– Ах да, последние несколько минут ты грозила устроить мне пытки. Но если бы ты на самом деле намеревалась воплотить свои угрозы в реальность, ты бы уже это сделала. Очевидно, я тебе нужен. Так что давай перестанем ходить вокруг да около и поговорим о деле?

Он догадался, что она блефовала. Сердце Аны бешено колотилось, пока она смотрела в глаза аферисту, не намереваясь отводить взгляд. Папа всегда говорил ей, что прямой зрительный контакт доказывает уверенность в себе. Но пока Ана пыталась сформулировать ответ, ее уверенность ослабела.

Малая. В голове зазвучал голос брата. Ана вспомнила, как он наклонялся над шахматной доской, какой у него был умный взгляд. *Подумай.*

Лука учил ее, что переговоры подобны партии в шахматы. Чтобы победить, игрок прежде всего должен продумать эндшпиль. Тогда это казалось элементарным уроком, но сейчас он ей очень пригодился. Ее цель – ее эндшпиль – заставить Острослова найти алхимика, настоящего убийцу. И сейчас аферист хотел от нее чего-то большего в обмен.

Почему бы и нет? В конечном счете, что ей терять?

Быть может, нужно сделать и провальный ход, если в итоге он приведет ее к победе.

– Что ты хочешь? – спросила Ана, поднимая подбородок.

Так ей было легче представить, что она принцесса, которая проявляет милость, а не простодушка, молящая о помощи.

– Отомстить, – ответил аферист.

– И ты считаешь, я тебе могу помочь?

– Может быть. Ты же постоянно напоминаешь мне о своей власти над моим смертным телом.

Конечно же – кто бы сомневался – он хочет использовать ее силу родства.

Ана прищурилась. В голове звучал голос Луки, подсказывавший ей, что делать. Нужна конкретика. Выведай подробности.

– И каков же твой план мести? Будь конкретнее.

Улыбка Острослова стала шире, как будто она сказала что-то смешное.

– Хорошо. Я буду конкретнее. Я планирую уничтожить своих врагов, одного за другим, вернуть свое положение и то, что принадлежит мне по праву. Для этого мне нужен союзник. Кто-то сильный. И, боги мне свидетели, – он обвел ее взглядом, одновременно одобрительным и оценивающим, – ты самый сильный аффинит плоти, которого я когда-либо видел.

Аффинит плоти. Ана чуть не выдохнула от облегчения. Плоти, не крови. Она хорошо замаскировала свою тайну, и нужно было, чтобы Рамсон Острослов продолжал думать, что она управляла плотью. Аффинитов плоти были сотни: они работали мясниками, солдатами, охранниками. Но существовала лишь одна кровавая ведьма Сальскова.

Рамсон Острослов переоценивал свои интеллектуальные способности.

– Ради тебя я никого убивать не стану, если ты этого хочешь.

– Убивать? Я не сказал «убивать». Я сказал «уничтожить». Уничтожить человека можно разными способами, при этом сохранив ему жизнь.

Бармены и охотники за головами описывали Острослова как хитрого и безжалостного. Только сейчас она поняла почему.

Ана приказала себе успокоиться. Она диктовала условия, а не он. А она никогда не будет причинять вред невинным людям.

«Правда ли это?» – прошептал в ее голове голос Садова. *Ты считаешь себя порядочным человеком, маленький монстр? Ты думаешь, ты лучше этого афериста? После всей той крови, что ты пролила...*

– Никаких пыток, – сказала Ана вслух. – Никаких убийств. В нашем соглашении я сама решаю, как распоряжаться своей силой родства. Я отвечаю только за сохранность твоего здоровья, а ты можешь расправляться со своими врагами, как хочешь. Если ты согласен на эти условия, я стану твоим партнером на две недели. Но после того, как ты найдешь моего алхимика.

Он сузил глаза, задумчиво постукивая указательным пальцем по подбородку.

– Три недели, – сказал он. – И, в свою очередь, мне тоже понадобится три недели, чтобы отыскать твоего алхимика.

– Мы сошлись на двух неделях.

– Я не давал своего согласия, я просто рассматривал такой вариант.

– Не надо вдаваться в технические подробности.

– Не будь такой упрямой. Мы оба понимаем, что я нужен тебе, а ты нужна мне. Именно поэтому мы все еще здесь, цивилизованно беседуем друг с другом. Три недели, ведьма, – все честно. Слушай, я даже заключу с тобой сделку чести, чтобы подтвердить чистоту моих намерений.

Он говорил искренне, что заставило Ану проявить еще больше осторожности.

– Что-что?

– Сделку чести. Честное слово афериста.

– Ты же понимаешь, что сейчас противоречишь сам себе?

В уголках его глаз появились морщинки.

– Хочешь верь, а хочешь – нет, но в подпольном мире мошенников существует кодекс чести. Сделка чести. Это договор о взаимовыгодном обмене. Можешь считать его... чем-то вроде валюты. Как только ты вступаешь в сделку, ты не можешь ее нарушать, иначе придется столкнуться с ужасными последствиями.

– Какой в этом смысл? Ты и так столкнешься с ужасными последствиями, если нарушишь свое обещание. Со сделкой или без нее.

Аферист вздохнул.

– Слушай, найду я твоего алхимика, – сказал он, и Ана почувствовала, что за спиной выросли крылья надежды. – Я сделаю это за три недели. Я мог бы найти выброшенный на берег груз и отследить, какой корабль его перевозил, если бы захотел. Ты в ответ обязуешься быть моим верным соратником три недели.

Казалось, все достаточно просто.

– Ладно, – согласилась Ана. Ее мозг бешено работал, пытаясь обнаружить подводные камни и добавляя последние штрихи к договору. – То есть ты тоже согласен на мои условия?

Рамсон Острослов посмотрел на нее загадочным взглядом, что-то про себя рассчитывая. Но что-то еще Ана уловила в его глазах. Что-то вроде... любопытства.

– Хорошо, – в конце концов сказал он и отошел от стены, бросая полотенце на пол. – Я согласен на твои условия. Шесть недель вместе, за это время я не буду совать нос в твои дела, а ты не будешь лезть в мои. Ты осуществишь свою месть, я – свою. А потом мы разойдемся и будем вспоминать друг друга исключительно добрым словом.

Он развел руки в стороны.

– Ну, что скажешь, ведьма? По рукам?

Голова Аны затуманилась от воодушевления, к которому примешивалось недоверие. Казалось, с ее плеч упал огромный груз.

Она пережила побег из одной из самых охраняемых тюрем в империи и заставила известного мошенника в Кирилии заключить с ней сделку на ее условиях. И что важнее всего, через три недели настоящий убийца той страшной ночи будет у нее в руках.

Ане потребовался почти год, чтобы добиться этого. Несколько лун, чтобы выбраться из темной ямы, в которую ее погрузила смерть папы; еще парочка была потрачена на охотников за головами и следопытов, которые ей ничем не помогли; и еще парочка, чтобы найти Острослова и придумать план проникновения в Гоуст Фолз.

Она была так близка. Так близка.

Почти год назад папа был убит, и ее жизнь развалилась на части. Но уже через три недели она будет на пути в Сальсков, чтобы очистить свою репутацию.

Это и был ее эндшпиль.

Ана посмотрела на протянутую руку Острослова. На кривую ухмылку на его лице. Взглянула в его полные решимости глаза.

– По рукам, – подтвердила она и сжала его ладонь.

6

Рамсон проснулся задолго до восхода солнца: первые холодные утренние лучи пробивались сквозь дырявые занавески, подсвечивали квадрат ветхого окошка. Он оперся спиной о деревянную стену, ощупывая тыльную сторону своего левого запястья.

На том месте была татуировка размером с большой палец. Простой, но элегантный рисунок, изображающий соцветие ландыша с тремя маленькими, похожими на колокольчики цветочками и острым, как бритва, стеблем. Чернила темнее самой ночи так глубоко впитались в кожу, что стали частью его плоти подобно *Ордену Ландыша*. Который разрушил его жизнь.

Вид татуировки вызывал в памяти яркие и болезненные воспоминания. То ли вчера, то ли много веков назад Рамсон поднимался по отполированным до блеска мраморным ступеням особняка Аларика Эссена Керлана. Керлан был основателем самого большого бизнеса Кирилии. Неустанно разраставшаяся торговая группа «Голдвотер» монополизировала все ключевые отрасли производства в империи: лесозаготовку, цветные металлы, вооружение и разработку месторождений особо ценного минерала – черного камня, залежи которого находились в Кряжистом треугольнике. Они также в частном порядке владели самым оживленным торговым портом в Кирилии – портом Голдвотер.

Именно им и управлял Рамсон, пока несколько лун назад все не изменилось.

Немногие могли уловить связь между торговой группой «Голдвотер» и ставшей притчей во языцех криминальной организацией – Орденом Ландыша. Последние вели подпольный бизнес, сотрудничали с работоторговцами и нелегально продавали аффинитов. Полурабский труд являлся краеугольным камнем, на котором была построена группа «Голдвотер», а дешевая рабочая сила, поставляемая теневым бизнесом владельца, позволяла поддерживать самые низкие цены на рынке Кирилии.

И в центре всего этого стоял Аларик Керлан: успешный предприниматель, построивший свою торговую империю с нуля, будучи иммигрантом без медника в кармане, он же, по совместительству, беспощадный криминальный лорд подпольного мира Кирилии.

В день инициации Рамсона Керлан привязал его к массивному железному столу в подвале и раскаленным до бела клеймом выжег на его груди знак.

– Чувствуешь это, мальчик? – сквозь зубы цедил он, обращаясь к кричащему, находящемуся на грани иступления Рамсону. – Подобную боль можно ощутить лишь дважды за всю жизнь. В первый раз, когда завоевываешь мое доверие и проходишь через врата ада, вступая в Орден Ландыша. Во второй раз, когда предаешь мое доверие и я возвращаю тебя обратно в ад. Поэтому запомни этот момент, запомни хорошо. И спроси себя, готов ли ты испытать эту боль снова.

Керлан швырнул железный прут на пол и попросил кольщика набить Рамсону татуировку.

Рамсон положил ладонь на запястье, закрывая рисунок и отгоняя мысли о боли, с которой он ассоциировался. В серебристо-голубом свете наступающего зимнего рассвета он едва мог разглядеть силуэты двух спящих девушек, свернувшихся под потрепанным меховым покрывалом. Они мерно дышали.

Что означало – ему пора действовать.

Рамсон прокрался в противоположный угол комнаты, аккуратно ступая вдоль стен, где старые деревянные полы не так скрипели. Маленький стол у двери он заметил еще прошлым вечером, как только вошел в избу. Обшарпанная столешница была завалена бумагами, свитками и перьями.

Жизнь научила Рамсона не позволять себе оставаться в дураках. Когда он озвучивал свои условия сделки чести, изящные, как жемчуг, в его голове уже родился новый план.

Девушка определенно была самым сильным аффинитом из тех, что ему удалось повидать за время работы на Керлана. Рамсон кое-что знал об этих существах и мог предположить, что ведьма обладает силой родства с плотью. Он мог составить бесконечный список людей, которые убили бы за подобный дар. И это был ключ, чтобы восстановить свое положение в Ордене Ландыша.

Аларик Керлан был суровым, жестоким человеком, похожим на выточенного из камня демона с холодным взглядом – таким и должен быть глава огромной криминальной империи. Тем не менее ему не чужда была логика. В Рамсоне он с самого начала разглядел уникальный талант к ведению бизнеса и переговоров. Керлан постепенно готовил его: сначала выполнение мелких поручений, а потом управление частями его предприятия. К восемнадцати годам Рамсон стал правой рукой главы Ордена, и в его распоряжении находился важный порт Голдвотер. Быть капитаном самого крупного порта означало, что он имел свою щедрую долю прибыли в наиболее доходном секторе экономики Кирилии – международных торговых сделках начиная от закупок брегонской рыбы и нандийского какао и заканчивая импортом мощного кемейранского оружия.

Это также означало, что он мог постепенно дистанцироваться от Ордена Ландыша. Во время службы у Керлана Рамсон был лишь пешкой, выполнявшей черную работу и проводившей мелкие махинации, чтобы расширить сферу влияния организации. Он был наслышан о сделках с живым товаром, но, обладая ограниченной свободой выбора, продолжал обманом вытягивать деньги из богачей и обводить вокруг пальца бизнесменов. Таким образом он избавлял торговую группу «Голдвотер» от конкурентов, что позволяло ей оставаться главным монополистом империи.

Темные дела Ордена – убийства и работоторговля – были не по зубам Рамсону, и он всячески ухищрялся, чтобы держаться от них подальше.

И ему это удавалось, пока год назад Керлан не выбрал его для выполнения задания, которое сулило верную смерть. Рамсон отделался арестом, потерей всех своих позиций в Ордене и заточением в Гоуст Фолз.

Рамсон подвел Керлана по множеству причин: провалил самое важное дело в своей жизни, оставил главу Ордена без заместителя и позволил человеку, подставившему его, гулять на свободе, пока сам гнил в тюрьме.

Он все это исправит, с ведьминой помощью он вычислит агента в рядах Керлана и снова станет правой рукой главы Ордена и капитаном порта Голдвотер. А когда все будет достигнуто... он отдаст ведьму Керлану. Привести в Орден такого сильного аффинита будет вишенкой на торте.

Он вернет принадлежащее ему по праву. Должность. Деньги. Власть.

Конечно, Рамсон не стал правой рукой главы самой крупной криминальной сети просто потому, что ему везло. Он тщательно просчитывал каждый свой шаг, старался знать все – вплоть до цвета занавесок и простыней в домах своих подельников. Для него не существовало такого понятия, как лишняя информация.

Если в этой ветхой избе и было что-то ценное, с чем стоит ознакомиться, оно, должно быть, лежало на столе.

Заваленный предметами стол обещал много рассказать. Рамсон убрал пару пыльных выгоревших огнешаров, превратившихся в горстку пепла в стеклянной оболочке, аккуратно отложил в сторону несколько чистых пергаментов и угольных карандашей.

Первым, что он увидел, была книга. Обложка ее так обтрепалась, что едва можно было разобрать название: *Детские сказки народов Азиатских островов*. На обороте обложки кто-то написал коротенькое стихотворение, элегантный почерк мог принадлежать профессиональному писарю:

Дитя мое, мы всего лишь пыль и звезды.

Рамсон отложил книгу.

Он просмотрел около дюжины пустых свитков, прежде чем наткнулся на сокровище – карту.

Ловкими пальцами он развернул пергамент. Карта с шелестом раскрылась.

Как и детская книга, она была старой. По всей территории империи были нанесены записи, также сделанные красивым почерком. Некоторые заметки стерлись от старости, а некоторые были новыми, как свежий трудовой договор.

Записи были краткими, написанными на официальном кириллийском. *Бужный*, гласила одна из них, расположенная в том месте, где на карте мог быть обозначен маленький городок Бужный. Результаты поиска: следов алхимика не обнаружено.

Пьедбогородск – еще запись. *Поиск охотника за головами. Имя получено от торговца.*

Карта была настоящей находкой. Ведьма – если, конечно, это была ее карта и ее почерк – описала историю своего таинственного поиска, оставила след. Рамсон осторожно отложил карту в сторону, чтобы изучить другие предметы и вернуться к ней позже.

В уголке листа он заметил рисунок: из стопки на него смотрела половина чьего-то лица.

Рамсон слишком резко потянулся за ним, и рукав его рубахи зацепил свиток. Бумаги разлетелись по поверхности стола. Как будто сами хотели, чтобы их увидели.

Это были карандашные рисунки. Десятки зарисовок, развернувшихся веером на грубой столешнице и выглядывавших друг из-под друга. Он увидел лохматую собаку, свернувшуюся у камина; куски увенчанных куполами стен дворца на фоне зимнего пейзажа; прекрасную волоокую женщину с длинными вьющимися волосами...

Его взгляд привлек рисунок, одиноко дрожащий на краю стола. На нем был изображен смеющийся юный мальчик – радость в его глазах была такой реалистичной, что, казалось, до нее можно дотронуться. В этот портрет было вложено столько любви и сил: линии были совершенными, детали были прорисованы, начиная от морщинок в уголках глаз и заканчивая изгибами его губ. Возможно, художник хотел запечатлеть живой смех.

– Отойди отсюда.

Рамсон выругался и развернулся. Ведьма стояла перед ним, ее напряженная поза выражала ярость. В полутемной комнате он разглядел, как сильно сжаты ее губы и как блестят ее хмурые глаза.

– Положи на место, если не хочешь, чтобы я разорвала тебя на кусочки.

Все заранее подготовленные оправдания растворились как дым. Ему уже приходилось быть пойманным с поличным. Рамсон выяснил, что лучшей тактикой было признать свою вину и выкрутиться с помощью лжи. До настоящего момента эта схема не подводила.

Он аккуратно опустил рисунки на стол. Девушка пристально следила за каждым его движением.

– Прости, – сказал он, стараясь, чтобы его голос звучал как можно более искренне. – Я искал карту.

– Отойди отсюда, – вновь прорычала она, и Рамсон подчинился. Девушка тут же подскочила к столу и начала перебирать бумаги, проверяя, ничего ли не пропало. Она взяла портрет мальчика и свирепо взглянула на Рамсона. Тут ему показалось, что она передумает и убьет его на месте. Но она сделала глубокий вдох и смахнула с лица темную прядь. Ярость стерлась с ее лица так же легко, как мел с грифельной доски. Появилась холодная строгость.

– Вчера мы заключили сделку чести. У тебя странный способ применять дипломатический подход.

– Знаешь, что говорят о дипломатии? Это единственный способ для двух сторон лгать друг другу в лицо и оставаться при этом довольными.

– Не нужно умничать.

Рамсон поднял руки.

– Ладно-ладно, любопытство взяло верх. Но, как ты уже сказала, мы заключили сделку. Раз мы связаны вместе на следующие шесть недель, нужно учиться доверять друг другу.

Сзади на кровати сидела Мэй и слушала их диалог, склонив голову набок. Ведьма перевела взгляд на девочку, и выражение ее лица тут же смягчилось.

– Хорошо, – сказала она, понизив голос и повернувшись к Рамсону. – Раз ты заговорил о доверии, смотри.

Рамсон взял в руки протянутый ею рисунок. На нем преобладали тени. Другие ее работы были попыткой запечатлеть момент или увековечить воспоминание. Здесь же целью было максимально точное изображение. Рамсон узнал этого мужчину: лысый, с широко поставленными недоверчивыми глазами и тонким носом. Его же портрет она показывала Рамсону в тюрьме.

Ее алхимик.

Как и на тюремном портрете, который, вероятно, был уничтожен во время их речной прогулки, на этом рисунке было множество тщательно проработанных деталей. Рамсон вглядываясь в изображение, подмечая его белую рясу и круг четырех богов, свисающий с его шеи.

– Неплохое начало, ведьма. Расскажи мне все, что ты о нем знаешь.

– Десять лет назад он служил во дворце Сальскова. Затем он исчез и вернулся в... в Сальсков одиннадцать лун спустя.

Рамсон ждал продолжения, но ведьма не изрекла больше ни слова.

– Это все?

– Больше я ничего не знаю, – коротко ответила она.

Пока она говорила, ее глаза горели, а руки сжимались в кулаки. Кем бы ни был этот человек, он серьезно ей насолил.

Скоро Рамсон выяснит, как именно. А пока он сосредоточится на другом вопросе.

– Алхимик, значит, – задумчиво проговорил он. – Он был аффинитом?

Многие алхимики обладали уникальной силой родства, и представители высших слоев Кирилии нанимали их, чтобы с их помощью укрепить здоровье или продлить себе жизнь. Рамсон слышал, что у самых сильных аффинитов было родство с метафизическими элементами. Боль. Спокойствие. Счастье. Нечто неосоздаемое, но желанное теми, у кого имелись лишние монеты.

– Я не уверена, – сказала ведьма, закладывая прядь волос за ухо.

Рамсон уже успел приметить этот ее нервный жест. Еще один – постоянно поправлять капюшон.

– Он варил божевосх и другие снадобья.

Значит, скорее всего аффинит. Его внимание привлекла еще одна деталь – божекруг и монашья ряса.

– Он был священником – набожным человеком? Ты пыталась зайти с этой стороны?

– Не был он набожным человеком, – горько сказала она и вздохнула. – Да, я пробовала. Я искала его по всей империи, но ничего не нашла. Охотники за головами, которых я нанимала, тоже не добились ровным счетом ничего.

– Любители.

Судя по ее виду, ей хотелось его ударить.

– Я бы не была так уверена. Если через три недели этот человек не будет стоять передо мной, я выпущу из тебя всю кровь.

– Расслабься, – лениво протянул Рамсон, размахивая портретом перед ее носом. – У меня есть план.

Он постучал пальцем по рисунку. Два изображения десятилетней давности – след был холодным, как смерть. Но у него было две зацепки. Во-первых, алхимик служил во дворце.

Во-вторых, он с большой вероятностью был аффинитом в бегах, то есть ему пришлось сменить личность и начать жизнь заново.

Если кто и отслеживал перемещения аффинитов так же хищно, как орел следит за своей добычей, так это брокеры Керлана. И одна мысль о вторжении на их территорию вызывала у Рамсона тяжелое чувство. Он посмотрел на ведьму и на девочку, терзаемый неприятным ощущением, поднимающимся из глубины. Могли ли они быть жертвами тех же самых брокеров, помощь которых требовалась в поисках алхимика?

– Хорошо.

Ана отошла от стола и вернулась к кровати. Из-под меховых одеял она достала небольшой мешок. Мэй поглядела на Рамсона, а потом вскочила, разложила на кровати одежду и стала складывать ее в мешок.

– Выходим через час. Надеюсь, к этому времени ты решишь, в каком направлении нужно идти.

– Я уже знаю.

В окрестностях Гоуст Фолз был лишь один город, кишачий беспринципными торговцами аффинитами, снующими в поисках информации и выгоды.

– Мы пойдем в Киров.

7

Когда они отправились в путь, утренний воздух был свеж, а снег искрился и отливало золотом в солнечных лучах. Тишину нарушало лишь дыхание, клубящееся в холодном воздухе, и хруст наста под ногами. Тайга простиралась от Кряжистого треугольника в самой северной части Кирилии до гор Дживеха, граничащих на юге с королевством Нандьян. Здесь на севере снег никогда не таял, но в южных землях, насколько знала Ана, летом пробивалась зеленая трава, а хвойные деревья сбрасывали свою белую вуаль.

Ана подтянула сползавший с плеча мешок, и раздалось успокаивающее шуршание пергамента и звон оставшихся у них огнешаров. Рядом с ней брела Мэй, крутя головой то влево, то вправо в ответ на ощущения, которые приходили к ней от покоящейся глубоко под снегом земли. В ладонях она держала только что разожженный огнешар. Пламя внутри расплзлось по покрывавшему стекло маслу, согревая руки и освещая путь по ночам. Много лун они провели так – дорога, она и Мэй, огнешар, компас в руках и незыблемая тишина леса.

Которая только что была нарушена самым раздражающим образом.

– Итак, как же две такие прекрасные дамы оказались в такой глуши? – донесся откуда-то сзади безмятежный голос Острослова.

Ана сжала зубы. Мэй понимающе взглянула на нее и закатила глаза.

– Не слишком ли глубоко на север занесло девочку с Азеатских островов? – продолжил аферист. Где-то впереди из кустов выпорхнула стайка луней.

Ана хотела было развернуться и наорать на него, но значение его вопроса вдруг дошло до нее и потрясло до дрожи. Все, что говорил Рамсон Острослов, было хорошо обдуманно, каждое слово подобрано тщательнейшим образом. Его интерес к происхождению Мэй был неслучайным. И меньше всего Ане хотелось, чтобы аферист узнал о ситуации Мэй: потерянная аффинитка без документов и какой-либо защиты.

– Не твое дело, – ответила она.

– Напротив, – продолжил настаивать Острослов таким тоном, что Ане хотелось его задушить. – Учитывая, что на шесть недель мы партнеры.

– Давай оставим все как есть. Партнеры, которые разговаривают друг с другом только в случае крайней необходимости.

– Это и есть крайняя необходимость.

Он догонял их, и его голос с каждой секундой становился все более громким и противным. По хрусту снега под его сапогами можно было понять, что он уже близко.

– Я отвечаю за вашу безопасность, особенно если мы столкнемся с Белыми плащами.

Ана резко повернулась. Последняя его фраза зажгла в ее голове серию искорок, которые переросли в пожар ярости.

– Отвечаешь за нашу безопасность? – переспросила она, не обращая внимания на вращающуюся стрелку компаса. – Что ты о себе возомнил? Мы с Мэй самостоятельно прекрасно справлялись, и нам не нужна твоя защита, или что ты там собираешься делать. Это всего лишь сделка, и я прослежу, чтобы ты выполнил взятые на себя обязательства. Ни больше ни меньше.

Под конец речи у Аны сбилось дыхание. Также она поняла, что подошла ближе к Острослову, и теперь расстояние между ними составляло всего пару шагов. Он встал как вкопанный, а на его замершем, подобно окружающему лесу, лице не отражалось никаких эмоций. Его карие глаза, однако, смотрели на нее внимательно и по-лишьему хитро.

– Ладно, – сказал он мягко, и из его рта вырвался клубок пара. – Но позволь спросить лишь одно: ты когда-нибудь бывала в Кирове?

Ана вспомнила, что она читала об этом городе: он процветал благодаря соседству с Кряжистым треугольником и торговле черным камнем. Правда состояла в том, что она могла процитировать фактов о Кирове на целую книгу... и все же она ни разу не была в этом городе.

– Нет, – кисло ответила Ана. – Но я его изучала.

На лице Острослова появилась неприятная улыбка.

– Историю пишут победители, милая. Никогда не задавалась вопросом, почему в учебниках так скудно освещена тема эксплуатации аффинитов?

Казалось, ей дали пощечину. Ана вспомнила мягкие ковры дворца в Сальскове, треск огня в камине, запах кожаных кресел и старых книг в кабинете папы. Они с Лукой проводили часы, сидя за его высоким дубовым столом и слушая, как он читает историю Кирилии своим низким, спокойным голосом.

Еще до болезни отец лично занимался ее образованием. Он не смог полюбить ее силу родства... но он любил Ану по-своему.

Она искренне верила в это.

– Если ты хочешь сказать что-то по существу – говори, – сказала Ана, хотя ей совершенно не хотелось с ним спорить.

– Киров – опасное место. В любой другой ситуации я бы посоветовал аффиниту держаться от него подальше. Но учитывая, что кое-кто следит за тем, чтобы я выполнил взятые на себя обязательства, я готов пойти на риск.

Острослов пожал плечами и обогнул ее, взметая ногами снег.

– Тем более я не аффинит.

Он говорил так, будто в ее империи был огромный город, куда небезопасно идти аффиниту. Ана знала о существовании коррупции, но аффинитов никто не вылавливал на улицах.

Стрелка компаса вновь повернулась, когда Ана последовала за Острословом на северо-восток, в сторону Кирова.

По ее подсчетам, идти было еще полдня. По странной причине лес стал выглядеть менее умиротворенно, солнечный свет стал холодным, а растянувшиеся на снегу тени сосен дрожали. И только когда Мэй взяла ее за руку, Ане стало легче дышать.

С земли поднялся небольшой комок грязи и замер над ладошкой Мэй. По щелчку ее пальца он полетел в сторону Острослова и врезался ему прямо в спину.

– Я знаю, как ты любишь болтать, выскочка, – сказала Мэй, когда они с Аной проходили мимо него. – Но еще одно слово, и следующий я швырну тебе в лицо.

Она замолкла и злобно улыбнулась.

– Может, станешь посимпатичнее.

8

Серебристо-белые шпили, возвышавшиеся над заснеженными деревьями, были первым, что Ана увидела на подходе к Кирову. Путь занял целый день, и теперь солнце клонилось к западу, окрашивая город в золотистые оттенки. Когда показались кирпичные стены коттеджей, Ана вспомнила о пряничных домиках, которые она в детстве делала каждый год в честь пришествия бога зимы.

Когда грунтовую дорогу сменила грифельно-серая брусчатка и стал слышаться шум оживленного города, Ана натянула понижее капюшон. Мэй не отходила от нее ни на шаг, широко распахнув глаза и с любопытством осматриваясь по сторонам. После побега от работодателя Мэй они бывали только в небольших деревеньках и заброшенных охотничьих домиках. Толпы людей, шум и разнообразие запахов большого города заставляли Ану нервничать, и даже сейчас, пока они шли, она пыталась успокоить неприятное чувство, разрастающееся внутри.

И тем не менее она невольно рассматривала попадавшиеся на глаза предметы: традиционная серебристо-голубая мантия-кечан, ярко-красная матрешка-дамашка, блестящие серьги-кольца из белого золота. Она могла без труда воссоздать в памяти образы этих предметов, как помнила их из прошлой жизни во дворце Сальскова. Лука, надевавший свой кечан с эмблемой белого тигра; папа, опустившийся на колени у кровати Аны с ее первой дамашкой в руках; мама, сидящая на кушетке под дворцовым окном, – ее серьги ловят солнечные блики, когда она отбрасывает назад пряди темных волос.

К горлу внезапно подступили горячие слезы. Ана моргнула и переключила внимание на первое, что попало на глаза: мастерскую с открытыми воротами.

Оттуда заманчиво веяло теплом, а звон молота по расплавленному металлу дополнял вечернюю симфонию города. Но в тени было что-то еще.

У печи на коленях стоял темноволосый мальчик с уставшими глазами, согнувшись вопросительным знаком и повернув ладони вверх. Лицо его было покрыто сажей, но даже смотрящий издали мог догадаться, что он родом с одного из Азеатских островов. Взгляд его был потухшим, лишенным жизни, а щеки – впалыми.

– Эй, малец! – закричал кузнец. Его рука, держащая молот, замерла в воздухе. – Огонь должен гореть ярче.

Мальчик сверкнул глазами в сторону кузнеца. Еще сильнее сгорбившись, он повернул ладони к языкам пламени. Они разгорелись, заплясали, золото-оранжевые сверху и кроваво-красные в глубине печи.

Год назад Ана посмотрела бы на подобную сцену как на естественную часть жизни в ее империи. Просто очередной аффинит, который пытается заработать на жизнь, подобно Юрию и другим таким же, как он, во дворце. Она вспомнила, как Юрий отправлялся в город и возвращался с каким-нибудь гостинцем для нее. Он пробирался в ее покои поздним вечером, когда на пост заступал Марков. Юрий был всем доволен: он зарабатывал достаточно, чтобы кормить мать и сестру, живущих в одной из деревень на юге.

Но сейчас, при взгляде на азеатского мальчика, который склонился над огнем, на его лицо, испачканное сажей и лоснящееся от пота, в душу Аны закралось сомнения.

Меньше года назад она заметила такую же печаль в глазах Мэй, в ее впалых щеках, в опущенных, тощих плечах, на которых висело грязное, безразмерное платье, выданное ей работодателем. Безмолвное отчаяние в глазах мальчика было отражением прошлой Мэй.

Ану охватило дурное предчувствие, она замедлила шаг. На улицах было полно смеющихся, оживленно болтающих людей, которые проходили мимо мастерской кузнеца, ничего не

замечая. Неужели она была такой же год назад? Ане хотелось подойти к мальчику, поговорить с ним, сделать что-нибудь.

Но кто-то схватил ее за запястье, выводя из задумчивости. Вокруг снова закрутился мир, с его цветами и звуками, и Ана услышала, как Рамсон Острослов зовет ее. Не успела она отмахнуться от него, как он увлек ее и Мэй внутрь ближайшей лавки.

Захлопнулась дверь, над головой зазвенел колокольчик, и они почувствовали запах дерева, исходящий от камина в задней части комнаты.

Они находились в мастерской, где изделия покрывали лаком. Полки занимали тигры и вазы, а на подоконниках были заботливо расставлены лебеди, снежные ястребы и фениксы. Фигурки были расписаны узорами из листьев, снежинок и фруктов. Ана вклинилась между Рамсоном и Мэй и, смерив афериста злым взглядом, спросила:

– Что ты делаешь?

Он нагнулся, высматривая что-то за окном. За лакированными птицами было видно, как по мостовой двигалась процессия. Лошади бежали по улице рысью, а седоки были облачены в белые плащи, горделиво развевающиеся за их спинами. На груди у всадников сиял герб с серебряным тигром, а на поясе поблескивали мечи из черного камня.

– Белые плащи, – прошептал Рамсон ей на ухо.

Имперские патрули – самый престижный род войск в вооруженных силах Кирилийской империи. Они выступали миротворцами, следили за порядком и пресекали стычки между обычными людьми и аффинитами. И, что важнее всего, они были обучены обезвреживать с помощью боговосха и черного камня аффинитов, если те выходили из-под контроля.

Ана помнила, как в детстве, еще до проявления ее способностей, они наносили визиты в разные города. Наблюдая за колышущимися плащами и блестящими шлемами патрульных из окна своей кареты, Ана чувствовала себя в полной безопасности. Она думала тогда, что Белые плащи могли защитить ее от любых монстров, которые намеревались напасть на нее.

Только вот теперь она сама была монстром.

– Рамсон, – тихо сказала Ана, наблюдая за процессией. – Когда ты говорил про имперские патрули и что нам надо держаться от них подальше, что ты имел в виду?

Она не хотела знать ответ на этот вопрос, но выхода не было.

Рамсон окинул Ану взглядом, и на мгновение ей показалось, что он вот-вот сделает язвительную ремарку. Но вместо этого он щелкнул пальцами, и между ними появился медник.

– Все сводится к одной вещи, – сказал Рамсон, вертя в руках монетку, которая то появлялась, то исчезала из виду. – Кто правит балом в прогнившей системе?

Рамсон зажал монету между указательным и большим пальцем и поднял ее на уровень глаз.

– Как ты думаешь, кто им больше платит? Империя? Или прибыльный бизнес, которому они нужны, чтобы заполучить больше нуждающихся в работе аффинитов?

Сердце Аны колотилось: ей казалось, что она падает, а почва медленно уходит из-под ног.

– Ты это видел своими глазами?

Рамсон не отрывал взгляд от медника, чьи округлые грани сияли, как лезвие косы.

– Я уже говорил, что я делец.

Ана раскрыла рот, но у нее не нашлось ни слов, ни сил для спора.

– Империя разваливается, – продолжал Рамсон. – Император и императрица скончались, принцесса умерла, а стервятники уже слетелись и ждут, сколько протянет Лукас Михайлов.

Он подбросил монету в воздух – она сверкнула огненным бликом и исчезла в его ладони.

– Здесь каждый сам за себя, времена шакалов и падальщиков. Ты гарантированно побеждаешь, если играешь на стороне сильнейшего.

Все вокруг померкло и притихло, пока Ана смотрела, как Рамсон разворачивается и идет к выходу. Белые плащи исчезли. По улице вновь потекли люди, но все, казалось, изменилось.

– Сделай мне одолжение, – попросил Рамсон. – Держись подальше от Белых плащей. Особенно если с ними егерь.

Когда он открывал дверь, снова зазвенел колокольчик.

– Что-то мне подсказывает, что ни у тебя, ни у девочки нет документов... уверен, ты знаешь, что бывает с теми, кого ловят.

По рукам Аны побежали мурашки, и порыв холодного ветра с улицы был в этом вовсе не виноват. Должно быть, он преувеличивает. Он говорит так, будто среди белого дня в центре империи им может грозить опасность. Но дальнейшие расспросы лишь польстят самолюбию Рамсона и обнаружат пробел в знаниях Аны, ее слабость.

– На этом месте мы на время расходимся, – сказал Рамсон. – Там, куда пойду я, не жалуют аффицитов. К счастью, дальше по этой улице Зимняя ярмарка.

Он подмигнул Мэй.

– Ты же хочешь конфетку, милая?

Мэй оскалила зубы.

– Ана учила меня не брать конфеты у незнакомых людей, – ответила она.

Рамсон выглядел уязвленным.

– Подожди, – Ана зло посмотрела на него. – Ты должен сказать нам, куда идешь.

– Ах, как мне льстит твое доверие.

Рамсон указал на безлюдный переулок, отходивший от главной улицы.

– Логово серого медведя. Там, под красной гонтовой крышей. Я не долго. Встречаемся здесь через полчаса.

Ана наблюдала, как он прогулочным шагом удалялся вниз по улице. Если бы он хотел ее предать, он мог бы просто оставить ее умирать на берегу реки в северной тайге. Ей не нравилось, что он ушел, но пришлось его отпустить.

– Ана! – воскликнула Мэй дрожащим от радости голосом. – Винтрахт!

Перед ними открылся такой вид, что Ане показалось, будто она смотрит на миниатюрное резное изображение города в одной из рельефных картин, что ей дарили в детстве. Яркие деревянные домики нежились в золотом сиянии послеполуденного солнца, блестящая мишура украшала парусинные навесы над прилавками, на которых были разложены безделушки и лакомства, да такие, что любой ребенок запищал бы от восторга.

Что и сделала Мэй, сжимая руку Аны и увлекая ее вперед, маневрируя в толпе. Над входом висело колышущееся на ветру полотно, изображавшее голову белого тигра. Надпись на полотне гласила: *Винтрахт*. Под ней был девиз Кирилийской империи: *Торговля, Боги, Империя*.

Зимняя ярмарка – на старокирилийском Винтрахт – традиционно проводилась по всей Кирилии. Поздней осенью в каждом городе украшали самую большую площадь и ждали Первоснежа – дня первого снега. Ночь, когда наступал этот праздник, символизировала начало зимы и пробуждение божества-покровителя.

Зимняя ярмарка в Кирове могла соперничать с сальсковской в изобилии еды, от которой ломились прилавки, в великолепии переливающихся всеми цветами радуги драгоценностей и шелков, выставленных в витринах, в филигранности исполнения резных изображений кирилийских святых на белом золоте. В окнах булочных висели буханки в форме рыбок, а на уличных прилавках предлагали капустный суп, пироги с картошкой и мясом и ягненка на вертеле, обжаренного с оливками.

Но среди этого праздника взгляд Аны неизбежно привлечет один-единственный котелок с кипящим свекольным супом, который стоял рядом с деревянным прилавком. От багровой жижи поднимался горячий пар, наполняя воздух пикантным ароматом.

В голове Аны возникла знакомая сцена, и к горлу подступила тошнота. Восемь тел, распростертых на снегу, как жуткое произведение искусства. Темная красная кровь на снегу.

Деимхов. Монстр.

– ...Ана!

Ее вырвали из объятий воспоминаний о багряных реках и криках. Эти образы постепенно исчезали, а кировская Зимняя ярмарка возвращалась. Мэй дергала ее за руку. Взгляд девочки был прикован к прилавку, на котором красовались ряды яблочно-медовых открытых пирогов, хвороста и других сладостей.

Ана пересчитала в уме свои скромные накопления. Их хватало на ночлег и еду на пару дней, и Ане не хотелось тратить и медника сверх запланированного бюджета... и все же. Она вспомнила, как впервые увидела Мэй, как была поражена ее худобой. И даже тогда Мэй делила с Аной поровну свой скудный ужин, выданный работодателем. Каждый день Мэй шла полтора километра, пробираясь сквозь снег, до амбара, где она прятала Ану, и помогла ей выжить.

Мэй заслуживала всего, чего захочет.

– Пойдем что-нибудь купим, – предложила Ана, увлекая Мэй вперед, но девочка лишь покачала головой.

– Нет, посмотри, – прошептала она, указывая в пространство между прилавком и Аной. – Девочка.

Спустя пару секунд Ана поняла, что Мэй говорит о продавщице сладостей – девочке, которая едва ли была старше Мэй. На ее голову был накинут изорванный капюшон, из-под него виднелось бледное лицо и песочного цвета волосы.

– Она похожа на меня, – мягко сказала Мэй. Слова падали с ее губ, как хлопья снега, быстро тая. Она стояла неподвижно, в глазах плескался немой океан воспоминаний. – На нас.

Ана присмотрелась. Очень внимательно. И вдруг все поняла. Сгорбленная поза продавщицы – она съежилась, как будто хотела исчезнуть из этого мира, – исходящая от нее неуверенность, граничащая со страхом. И глаза – колодцы, полные печали, как у Мэй в конце зимы.

Но в глазах Мэй всегда оставалась надежда. Прежде чем Ана успела что-то сказать, Мэй отпустила ее руку и растворилась в толпе. Ана поспешила за ней, и, догнав, увидела, как Мэй достает из кармана своего серого мехового пальто медник. Это была одна из тех монеток, которые Ана позволила ей оставить, чтобы потом купить что-нибудь вкусненькое.

Мэй осторожно взяла руку продавщицы сладостей и вложила в нее монету.

– Возьми, – прошептала Мэй, прижимая к губам девочки свой маленький пальчик. Продавщица украдкой взглянула на Ану, и этот короткий взгляд был до крайности красноречив: он выдавал вспышки гнева и волны горя, бушующие внутри. И с резкой болью пришло осознание, что Мэй увидела в этой аффинитке родную душу, что она искала свою ма-ма, когда ее взгляд упал на продавщицу сладостей.

Внезапно пироги и булочки стали казаться слишком яркими, фальшивыми, а все вокруг превратилось в бессмысленную какофонию звуков и вспышек цвета.

Словно мир, каким она его видела последние восемнадцать лет, был всего лишь оболочкой, теперь медленно расплывавшейся, чтобы обнажить истинную суть вещей. Сколько раз она покупала товары у продавца, который был связан рабскими условиями договора? Скольким истощенным работой, нещадно эксплуатируемым аффинитам она махала рукой, когда они с папой приветствовали толпу, путешествуя по империи?

Кирилийские законы гласили, что трудовые отношения должны скрепляться честным договором... но они не разъясняли, какими именно должны быть условия договора. Как работодатель должен обращаться с работниками. Сколько платить. Должен ли договор подписываться по собственной воле... или возможно вмешательство посторонних.

– Постой, – тихо сказала продавщица сладостей. Она протянула руку к рядам выставленных на прилавке сладостей, выбрала одну и протянула Мэй. – Это торт «Птичье молоко». Возьми.

Ана понимала, почему девушка говорила шепотом, украдкой смотрела по сторонам и следила, чтобы никто не заметил их обмена.

Мэй, улыбаясь, откусила первый кусочек. Ана отдала бы все златники мира, чтобы увидеть подобную улыбку на губах девочки еще раз.

– Вкусно, – сказала Мэй, протягивая ей кусочек торта.

Ане сложно было улыбаться, и виной тому поселившееся в ее душе осознание, от которого веяло холодом.

– В детстве это был мой любимый десерт, – сказала она, вспоминая о Юрии с его угольно-серыми глазами, которые горели, когда он приносил еще горячие сладости с кухни для нее и Луки. – Доедай.

Лицо Мэй просияло.

– Мне нравится твердый коричневый слой, – сказала она, отвлекаясь от торта.

– Это шоколад, – продавщица наблюдала за Мэй, и ее глаза едва заметно улыбались. – Он сделан из нандийских какао-бобов.

– Эй!

Через толпу пробирался укутанный в меха мужчина. Он впился взглядом в Мэй. Лицо продавщицы сладостей стало бледнее мела.

– Она заплатила? – сердито спросил господин, подбегая к ним. Казалось, он был готов вырвать торт из рук Мэй.

Ана не выдержала.

– Не смейте ее трогать, – прорычала она.

В глазах мужчины мелькнул яростный огонь, он повернулся к продавщице, следившей за ним с выражением ужаса на лице.

– Сегодня я все пересчитаю, и если я узнаю, что ты ворует... – Он понизил голос и прошипел: – Ты получишь по заслугам, ведьма.

– Ана, – голос Мэй дрожал, она настойчиво тянула руку Аны, уводя ее от прилавка. – Нам нужно идти. Здесь мы ничем не поможем. Прошу.

Ана нерешительно пошла за Мэй. На ее сердце было беспокойно от того, что она отвернулась и оставила человека в беде. Человека, отличавшегося от всех прочих данной ему силой родства, которая сделала его изгоем. Человека, так похожего на нее.

Раздался крик – Ана и Мэй развернулись посмотреть и застыли на месте. Вместе с прочими зеваками они ахнули, когда мужчина наотмашь со всей силы ударил юную продавщицу сладостей.

Похожий на свист кнута, звук удара разлетелся эхом по площади. Продавщица попятилась и упала на аккуратно разложенную на прилавке сладкую выпечку.

Ану охватила белая ярость. Она была принцессой Кирилии. Раньше подонки вроде этого мужчины кланялись ей. Раньше ей было достаточно сказать лишь слово, и ему пришел бы конец.

Это время прошло, но Ана все еще могла поступить правильно.

– Прошу, мессир, – умоляла аффинитка.

Но он снова занес руку. Ана потянулась к нему своей силой родства. Она умела лишь тянуть и рвать, но сейчас, используя всю свою силу до последней капли, она приказала крови в его теле оставаться на месте. Несколько секунд мужчина стоял неподвижно, с поднятой рукой. На его лице чередовались выражения паники и злости. Он начал задыхаться, глаза его закатились. Когда Ана отпустила его кровь, его тело упало на землю, как мешок с картошкой. Толпа охнула. Из рта мужчины доносился пугающий свист.

– Ана, – взвизгнула Мэй. – Нам нужно уходить, пока не...

Кто-то закричал. На Винтрмахте началась паника, и Ана поняла, что зашла слишком далеко.

– Мэй, – задыхаясь, проговорила она, и девочка схватила ее руку. Вместе они стали пробираться сквозь толпу, удаляясь от лежащего на земле господина и продавщицы сладостей.

Но вдруг толпа подозрительно притихла, и по спине Аны пробежали мурашки. Спустя мгновение она поняла, что на всей площади не было слышно ни звука. Продавцы и горожане с благоговейным страхом глазели на что-то позади Аны.

Ана медленно повернулась. Она смотрела на отряд имперского патруля Кирилии.

9

Внутри захудалого паба было темно – его освещали только мерцающие огоньки свечей, догоравших на столах. На расколоте деревянной вывеске неуверенной рукой было выведено: *Логово серого медведя*.

Прежде чем ступить на скрипящие доски деревянного пола, Рамсон остановился у двери и провел рукой по рукояти украденного кинжала. Он пришел взыскать долг.

Несколько секунд его глаза привыкали к темноте. Он увидел, что несколько столов было занято – посетители сидели, склонившись над выпивкой, и разговаривали шепотом. Что-то угрожающее было в плавающем свете свечей и приглушенных беседах, прерываемых звоном бокалов.

Несколько человек повернулись, чтобы посмотреть на проходящего мимо них Рамсона. Он же оценивал эффект, производимый его новым костюмом. Он приобрел его в ближайшей лавке без ведома продавца. Простая рубашка, черный жилет, серые брюки, сапоги для верховой езды и добротное кириллийское меховое пальто. Рамсон выглядел как идеальный завсегдатай подобных мест: пижонский, холеный вид и абсолютно непримечательная внешность.

Рамсон огляделся по сторонам. Только наметанным глазом можно было заметить доску на дальней стене, на которой развешаны объявления по найму аффинитов. Рядом с барной стойкой была узкая лестница с перекошенной вывеской *«Вход только по предварительному бронированию»*. На черной полке среди бутылок с алкоголем притаилась склянка зеленоватого боевосха. Это был не обычный паб. Это была точка торговли аффинитами.

Рамсон незаметно подошел к барной стойке, присел на высокий стул, спрятался за дорогим на вид самоваром и опустил голову. К нему неторопливо подошел бармен. Ростом и телосложением он напоминал медведя. У него была густая седая борода, которая все росла, как и количество секретов, не покидавших стены его заведения – самого известного обиталища преступников в Кирилии. И хотя на нем был фартук из грубой ткани, заляпанный жиром, в разводах от различных алкогольных напитков, нельзя было не заметить, как сверкало его золотое кольцо, пока он протирает стакан.

– Почтенно приветствую вас, благородный месир. Считаю честью принять вас в своем скромном пабе! Игорь, к вашим услугам.

– Здравствуйтесь-здравствуйтесь, дорогой друг. А какая же это честь... для меня.

Тут Рамсон поднял голову.

Игорь чуть не уронил стакан.

– Черт бы тебя побрал, – пролепетал он, демонстрируя манеру речи низших слоев Кирилии.

– Не черт, а сам дьявол, – поправил Рамсон и, подняв вверх два пальца, добавил: – Бренди. И не какое-нибудь дешевое дерьмо.

Игорь слегка нагнулся, заглядывая Рамсону в лицо.

– Это и правда ты. А мне все было интересно, когда же ты вернешься.

– Тебе было интересно, вернусь ли я в принципе.

Игорь громко усмехнулся.

– Не буду отрицать. Новость разнеслась по всей проклятой империи. Ну и кашу ты заварил, Острослов.

Он отвернулся и потянулся к одной из полок за баром. Последовал звон и журчание льющейся жидкости.

Рамсон наблюдал за здоровенной спиной бармена, пока тот готовил напиток.

– Я со всем разберусь, Игорь. Те, кто меня предал, заплатят, – он достал кинжал из ножен. – Но для начала я пришел забрать долг.

Игорь развернулся со стаканом и бутылкой брегонского бренди. В его темных глазах мелькнуло беспокойство.

– Послушай, Острослов. Дела в последнее время идут не очень, император болен, экономика на спаде.

Он провел ладонью по своей лысине и кивком указал на доску на дальней стене. Объявлений было множество, их прикрепляли друг на друга, на некоторых виднелись примитивные рисунки.

– Продажи не идут.

Рамсон заинтересовался и взглянул на доску. Написанная на объявлениях фраза «*Найми аффинита*» на самом деле для сведущих людей означала, что можно было купить по договору аффинита-иммигранта.

– Мне не нужны твои деньги. Мне нужна информация.

– Ах, – плечи Игоря с облегчением опустились, и он поставил стакан перед Рамсоном. – Ты же знаешь, что мои сведения ценнее златников.

Он замолчал и перевел взгляд на темную лестницу позади барной стойки.

– Быть может, обсудим это с глазу на глаз в комнате для переговоров?

Рамсон встал и взял стакан.

Игорь замялся.

– Я сейчас подойду. Нужно рассчитать парочку посетителей и сделать себе что-нибудь выпить. Потом я в твоём распоряжении. Буквально минутку.

– Не торопись. Я подожду тебя там.

В комнату для переговоров вела узкая лестница, встроенная в холодную каменную стену паба. Рамсон поднялся по ступенькам и открыл деревянную дверь, ведущую в освещенную свечами комнату. Она была обставлена со вкусом: красные бархатные диваны, дорогой дубовый стол. От Рамсона не ускользнули бутылки божевосха, выстроившиеся на полках в конце комнаты и поблескивающие в дрожащем пламени свечей.

Он постарался отогнать навязчивые мысли, поднял стакан и, глубоко вдохнув, сделал глоток. Игорь его не обманул. Это был настоящий брегонский бренди: жгучая горечь с легким оттенком сладости, нотки розы и острота цитруса создавали приятное послевкусие.

На лестнице застучали шаги, и в комнату вошел Игорь с кружкой в каждой руке. Он осторожно закрыл за собой дверь. Рамсон дождался знакомого щелчка замка. В комнате для переговоров ни одна беседа не проходила при открытых дверях. Когда щелчка не последовало, Рамсон насторожился. Громко вздохнув, Игорь поставил выпивку на стол и опустился на один из диванов. На его лице плясали тени от свечей.

– Я смотрю, тюремщикам не удалось выбить из тебя боевой дух. Ты здоров, как молодой бычок. Только бледноват. Сколько времени прошло? Четыре луны?

– Три луны и двадцать один день. Я считал.

Рамсон откинулся на мягкую бархатную подушку дивана, как кот, разлегшийся на солнышке, и смотрел на Игоря из-под прикрытых век.

– В тюрьме таким не поят.

– Будем, – Игорь поднял свою кружку. – Это стоило бы парочки золотых.

– Поговаривают, ты задолжал мне больше, чем парочку золотых.

Рамсон подался вперед. Забыв о бренди, он наслаждался выражением отчаянной паники, проскользнувшим на лице Игоря.

– Я знаю, что ты меня сдал. Ой, не делай такую скорбную мину, дружище. Будь мужчиной и отвечай за свои поступки.

Со стороны Рамсона это был выстрел в небо, но других вариантов у него не было. В тот вечер он отсиживался в пабе Игоря, как вдруг ворвались Белые плащи и арестовали его по обвинению в заговоре против короны. После этого месяцами в тюрьме он обдумывал все

узловатые отношения, связывавшие его с подельниками, пока не пришел к выводу: его заложил Игорь, но он лишь выполнял чью-то грязную работу. Кого-то приближенного к Керлану и знавшего о задании Рамсона.

Игорь нервно покосился на дверь, вытер испарину с лица, размазывая по лбу жир с фартука.

– Рамсон, друг мой, ты должен знать...

– Не смей называть меня другом.

Рамсон ударил кулаком по столу, наконец позволяя себе выпустить на волю часть злости, что копилась в нем, пока он гнил в тюрьме.

– Если хочешь жить – рассказывай, почему ты это сделал и кто заставил тебя пойти на это.

– Он с-служил при императорском дворе, – дыхание Игоря было отрывистым и неглубоким. Казалось, его вот-вот стошнит. – Т-ты должен понимать, Р-рамсон...

– Я прекрасно понимаю, что здесь чертовски смердит предательством.

– Тебя послали убить императора! – воскликнул Игорь. – О боги, это задание было изначально невыполнимо!

Рамсон задумался. К одному вопросу он возвращался снова и снова, сидя в Гоуст Фолз. И на него не было ответа. Почему самый могущественный криминальный лорд империи хотел убить императора Лукаса Михайлова?

Рамсон помнил, в ту ночь была гроза, и ливень барабанил в окна. Легкая кривая улыбка Керлана, его медленная речь. Как будто он попросту просил Рамсона сбежать за свекольным супом на обед.

Уже тогда Рамсон понимал, что это его главный тест. Если он справится, Керлан назначит его наследником главы Ордена, навсегда закрепляя за ним силу и власть. Вся его дальнейшая жизнь зависела от этого задания.

Но Рамсон забыл, что в игре с такими высокими ставками, ты можешь как сорвать банк, так и проиграться до последнего.

И он проиграл.

Возможно, заточение, назначенное Имперским судом, было более привлекательной перспективой, чем смерть от рук Керлана.

– Я был его правой рукой, – сквозь зубы процедил Рамсон. – Он полностью мне доверял. Кто-то слил детали задания. И я хочу отследить эту утечку и уничтожить всех, кто к ней причастен, начиная с тебя.

– Рамсон, прошу...

– Заткни свой поганый рот. Терпеть не могу бесхребетных трусов.

Рамсон расставил руки на полированном дубовом столе. Следующие несколько фраз он не проговорил, а прорычал.

– Единственная причина, по которой ты все еще дышишь, – это потому, что ты все еще можешь быть мне полезен. Назови мне имя, Игорь.

– Петр Тециев! – тут же сорвалось у того с языка. – Он приходил расспросить о тебе и заплатил, чтобы я заложил тебя, если ты придешь в паб. И через неделю ты появился на пороге.

У Игоря был маленький рот, но говорил он на удивление быстро. Он умоляюще смотрел на Рамсона.

– Это все, что я знаю, клянусь, дружище. Он очень щедро заплатил мне.

– Петр Тециев, – Рамсон покрутил в голове это имя, но оно ни о чем не говорило. – Кто он? И где я могу его найти?

– Он работает на Керлана, варит для него божевосх. Возник из ниоткуда, подошвы моих ботинок чище, чем его прошлое.

– Хм, – Рамсон прилег на диван, сделал глоток и облизал губы.

Игорь следил за каждым его движением влажными глазами. Интерес Рамсона к напитку, казалось, успокоил бармена, его лицо приняло заискивающее выражение.

– Что ж, в таком случае придется съездить в Ново-Минск.

– В Ново-Минск? Но это же территория Керлана! – притворное беспокойство Игоря усиливалось чувством подлинного облегчения. – Думаешь... Думаешь, Керлан простит тебе невыполнение условий сделки чести?

Рамсон потягивал бренди и почувствовал, что его губы вот-вот растянутся в улыбке. Вот теперь начинается настоящее шоу.

– О, да он будет умолять меня вернуться. Я вышел из этой проклятой дыры не с пустыми руками. Я нарушил сделку, но я могу предложить ему кое-что получше. – Он выдержал драматическую паузу. – Нового потенциального союзника.

У Игоря приоткрылся рот. Рамсон почти видел, как в его голове роятся десятки вопросов. В конце концов любопытство и жадность взяли верх, озаряя его морщинистое лицо.

– Кого?

– Самого сильного аффинита империи.

Игорь тут же стал оглядываться, как будто ожидая, что аффинит выпрыгнет из-за одного из книжных шкафов.

– Где?..

– Она прямо за углом, ждет меня. Аффинитка плоти. Щелчком пальца она уложила пятерых тренированных охранников.

Когда челюсть бармена отвисла, Рамсону пришлось сдерживать улыбку.

– Она бы стоила целое состояние, – прошептал Игорь. – Божечки, неудивительно, что Керлан все еще не нашел тебе замену. Это сложно сделать.

Рамсон решил осмыслить эту информацию позже. Он лишь фыркнул.

– Деньги. Это все, о чем ты можешь думать, – сказал он, поднимая свой стакан. – Знаешь, сколько заплатят за такую бутылку бренди? Десять златников? А теперь представь, что я собираюсь построить для Керлана виноградник. Сколько у него тогда будет бутылок с бренди? И сколько сотен тысяч златников они ему будут приносить каждый год?

Рамсон опустошил свой стакан одним глотком и с приятным звоном опустил его на стол.

– Мысли шире, Игорь, друг мой.

По правде говоря, эту же теорию Рамсон излагал Керлану, когда тот предложил ему долю в работорговле, которой промышлял Орден. Рамсон отказался. Он убедил Керлана, что его талантам найдется лучшее применение где-нибудь в порту, торговле оружием, казино или в другой сфере.

На самом же деле ему это просто было не по зубам. Он ходил по улице мимо детей-аффинитов, вынужденных работать. Их рты были запечатаны ужасом, а в широко открытых глазах читалась едва заметная мольба. В них ему виделся призрак друга детства, которого он поклялся никогда не предавать.

Может, именно из-за этого Керлан назначил Рамсона на невыполнимое задание – убить императора Кирилии. Может, Керлан видел семя сомнений, прорастающее в сердце Рамсона все эти годы, и хотел, чтобы тот доказал, что верен своему господину до конца.

Сейчас Рамсон откинул эти мысли и улыбался, холодно глядя на Игоря. Он только что обеспечил себе страховку, о чем бармен даже не догадывался. Игорь растреplet эту любопытную новость всем торговцам, которые заходят в его паб. И известие о неизбежном возвращении Рамсона – на пару с аффиниткой плоти – распространится как лесной пожар. К тому времени, как Рамсон доберется до Ново-Минска, Аларик Керлан будет ждать его с распростертыми объятиями. Это был отличный ход – двух зайцев одним выстрелом. Рамсон выдаст Керлану и имя предателя, и ведьму. Без сомнений, его снова назначат правой рукой главы Ордена и капитаном порта Голдвотер.

Ему лишь нужен был подходящий случай для возвращения: так, чтобы застать Петра Тециева врасплах. Нельзя же просто, в ритме вальса, войти в имение Керлана.

Вальс. Что-то щелкнуло в голове Рамсона.

– Игорь, какой сегодня день?

Игорь моргнул.

– Двадцатое число третьего месяца. Осени, – зачем-то уточнил он.

Через десять дней придет зима.

Каждый год в начале зимы по всей Кирилийской империи проходили празднования в честь первого снега. А в Ново-Минске не было более изысканных праздников, чем те, что устраивались в имении Керлана лордом Алариком Керланом лично. Все сливки городского общества будут приглашены – люди, имеющие власть, деньги и связи с преступным миром.

Вот это будет запоминающееся возвращение. Все недоброжелатели узнают, что Рамсон Острослов снова в строю и что он уничтожит любого, кто встанет у него на пути.

На лице Рамсона снова заиграла улыбка, острая, как лезвие.

– Игорь, мне нужны две лошади.

– Конечно, конечно, – было видно, что Игорь испытывает несказанное облегчение. – Есть у меня две кобылки, которых я тебе могу одолжить.

– Хорошо, – Рамсон собирался было встать, но в памяти всплыла одна деталь. – Еще кое-что.

Он швырнул сверток бумаги на дубовый стол. На один край свитка он со звоном опустил пустой стакан, а оставшуюся часть разгладил рукой, разворачивая рисунок с изображением лысого алхимика с тонким носом и огромными серыми глазами.

– Ты узнаешь этого человека?

Игорь замер.

– Ты шутишь?

– Если это и шутка, то совсем не смешная. Просвети меня.

Игорь ткнул в рисунок пальцем и поднял глаза на Рамсона. На лице его читалось недоверие.

– Это Петр Тециев.

10

Рамсон секунд пять пристально смотрел на Игоря, пытаясь понять, не врет ли он. Но физиономия бармена выражала такое же недоумение, что было написано на лице Рамсона.

Игорь обладал множеством отвратительных пороков, но не талантом лжеца. Для этого он был слишком труслив. Достаточно сильно надавив на нужное место, его легко было сломать.

– Выглядит в точности как он, – промямлил Игорь, нахмурившись, разглядывая рисунок. – Я никогда не забуду тот вечер, когда он возник у меня на пороге. Промокший до нитки, он сразу направился ко мне. Странный человек. Сказал, что работает во дворце, и показал мне какие-то бумаги. Хотел узнать твое имя и где тебя найти.

Он прервал рассказ, понимая, что вновь себя дискредитирует, и поспешно сменил тему:

– Отличный портрет.

Вопросы загорались в голове у Рамсона, как звезды на вечернем небе, но он сосредоточился на одной мысли. У него и у аффинитки плоти был один и тот же враг.

Враг моего врага мой друг.

День однозначно задался. Все, что было в его планах: поиск предателя, алхимика и, самое главное, передача ведьмы в руки Керлана, – сходилось в одной точке – Ново-Минске. Два зайца одним выстрелом – это неплохо. Ну а три зайца одним выстрелом – эта перспектива вызывала искреннюю улыбку на губах Рамсона Острослова.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.